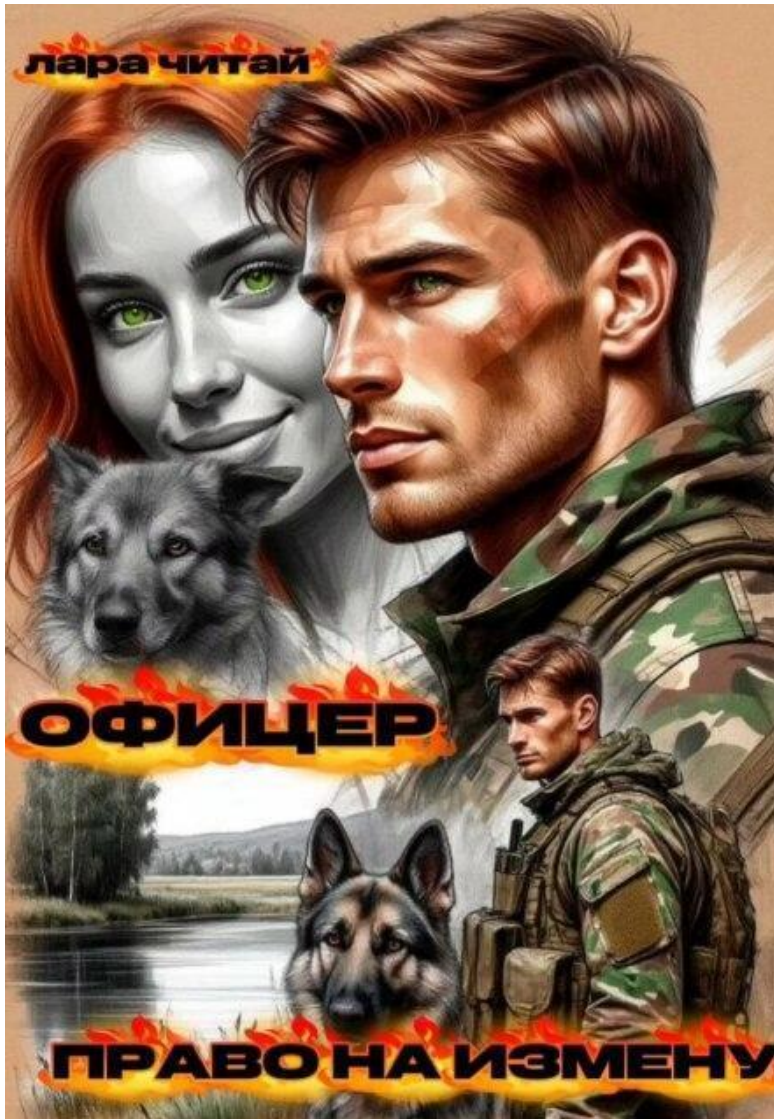

ЛАРА ЧИТАЙ

ОФИЦЕР

ПРАВО НА ИЗМЕНУ

Лара Читай

Офицер. Право на измену

<https://litres.ru/74262513>

Аннотация

Я восемь лет ждала тебя из командировок, рожала в одиночку, ночами не спала, когда дочь болела. Я всё прощала — твоё молчание, твоё равнодушие, твою вечную усталость от меня. Я думала: он военный, у него работа тяжёлая, ему трудно. Я придумывала оправдания. А ты... ты просто ждал другую.

— Я не ждал. Всё случилось...

Я смотрел на её руки — тонкие, с обручальным кольцом, которое она так и не сняла. И вдруг поймал себя на мысли: а ведь я её до сих пор люблю. Не так, как ту другую, не с этой безумной страстью, а по-другому. Тихо. Глубоко. Как любят родных людей, без которых невозможно дышать.

Миха лёг у её ног. Не потому, что не хотел к хозяину. Хотел. Очень. Всё в Михе рвалось за ним, по следу, догнать, вернуть. Но женщина осталась одна. А в стае нельзя бросать слабых.

Хозяин так учил. Защищать стаю. Всех, кто в стае.

Содержание

Глава 1. Волк и его стая. Михаил	4
Глава 2. Михаил	15
Глава 3. Михаил	28
Глава 4. Михаил	37
Глава 5. Алена	49
Глава 6. Михаил	61
Глава 7. Михаил	72
Глава 8. Миха	82
Глава 9. Варвара	90
Глава 10. Михаил	106
Глава 11. Михаил	116
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Глава 1. Волк и его стая. Михаил

Рассвет на полигоне всегда пахнет порохом и мокрым песком.

Я стою на наблюдательной вышке, втягиваю ноздрями этот привычный, родной запах и чувствую, как внутри разливается спокойствие. Здесь я дома. Здесь всё просто и понятно: есть приказ, есть задача, есть собака. Остальное не имеет значения.

Внизу, на учебном поле, бойцы третьего взвода гоняют «немцев» по полосе препятствий. Крики, лай, маты — обычное утро обычной воинской части. Где-то там, за бетонным забором, шумит город, спешат на работу люди, решаются какие-то важные проблемы. А здесь — только песок, пот и железная дисциплина.

— Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться?

Я оборачиваюсь. На ступеньках вышки застыл рядовой Соколов — молодой, глаза горят, форма сидит как на корове седло. Третий месяц служит, а всё никак не научится заправлять берцы по уставу.

— Обращайся.

— Там это... Миха опять не хочет работать. Второй раз уже мимо проходим, а он садится и смотрит. Может, заболел?

Я усмехаюсь. Смотрю вниз, туда, где на фоне серого бе-

тона барьера застыла темно-рыжая тень. Миха сидит, задрав морду к небу, и с абсолютно философским видом наблюдает за пролетающими мимо воронами. На Соколова, который тщетно пытается привлечь его внимание куском мяса, пёс даже не смотрит.

— Заболел он, — говорю я, спускаясь по лестнице. — Скукой он заболел, Соколов. Ты с ним уже час на одном месте топчешься. Он же не щенок, чтобы за кусочком бегать. Ему интерес нужно поддерживать.

— Так я и так... — лепечет Соколов, семена за мной.

— Помолчи. Смотри.

Подхожу к Михе. Он тут же поворачивает голову, и в умных карих глазах загорается узнавание. Не та раболепная радость, с которой встречают хозяина обычные собаки, а именно узнавание — спокойное, уверенное, равное. Мы с ним давно уже не хозяин и пёс. Мы напарники. Партнёры. Можно сказать, братья по крови, только у него шерсть рыжая, а у меня — щетина на подбородке.

— Ну что, брат, — я присаживаюсь на корточки, треплю его за ухом. — Скучаешь?

Миха коротко вздыхает, словно жалуясь, и косится на Соколова. Взгляд красноречивее всяких слов: «И долго мне этот лопух будет мозги компостировать?»

— Понимаю, — киваю я. — Ладно, давай разомнёмся.

Встаю, отхожу метров на тридцать. Достая из кармана рабочий рукав — старый, потрёпанный, пропахший потом и

кожей. Надеваю на правую руку.

— Мих, готов?

Пёс мгновенно преображается. Исчезает философская лень, исчезает снисходительность к человеческой глупости. Тело напрягается, подшёрсток на холке встаёт дыбом, из горла вырывается низкий, вибрирующий рык. Он уже не просто собака. Он — машина для защиты, элитный боец, прошедший такую подготовку, что некоторые спецназовцы обзавидуются.

— Фас!

Бросок. Миха срывается с места с такой скоростью, что песок взлетает фонтаном. Тридцать метров за полторы секунды — для его возраста и веса фантастический результат. Удар — и я едва удерживаюсь на ногах, когда его челюсти смыкаются на рукаве. Он висит, рычит, трясёт головой, пытаясь вырвать «руку» из сустава. Глаза горят бешенством, но я-то знаю: в этом бешенстве нет ни капли злобы. Чистая работа.

— Довольно, — команду я спокойно.

Миха разжимает челюсти мгновенно. Садится, тяжело дышит, но взгляд всё ещё цепкий, готовый к новой команде. Соколов сзади выдыхает так, будто сам только что пробежал кросс.

— Вот... вот это да, — бормочет он. — А почему он у меня так не работает?

— Потому что ты для него никто, — отвечаю беззлобно.

— Для него есть я, есть дочка моя, Дашка, есть жена... ну, допустим. И есть все остальные. Ты пока в списке «все остальные». Чтобы попасть в его стаю, нужно заслужить. Мясом тут не отделаешься.

— А чем? — глаза у пацана действительно загораются интересом.

— Временем. Терпением. Уважением. — Я снимаю рукав, прячу в карман. — Он же чувствует фальшь за версту. Если ты боишься — он знает. Если ты злишься — знает. Если ты врёшь — тем более. Собака, Соколов, это как женщина. Только честность и работает.

Соколов шмыгает носом, переваривая информацию. Забавный он ещё, зелёный совсем. Но старательный. Может, со временем что-то и выйдет.

— Ладно, давай заканчивай с барьером. Просто пройди рядом, не давай команду, пусть сам решит. Увидишь — перепрыгнет.

Я хлопаю Миху по холке, и мы идём дальше — вдоль полигона, мимо клеток с собаками, мимо казарм, туда, где в конце плаца высится серое здание штаба. Солнце уже поднялось выше, обещает жаркий день. Форма липнет к спине, но это привычно. За семь лет службы привык ко всему.

— Товарищ старший лейтенант, вас в штабе полковник ждёт, — навстречу попадается запыхавшийся связист. — Срочно.

— Иду.

Полковник Верещагин — мужик старой закалки. Прошёл Чечню, Дагестан, имеет ранения, но до сих пор лично выходит на построения и терпеть не может, когда подчинённые опаздывают. Я ускоряю шаг, Михе даже команды не нужно — он рядом, чуть позади и справа, как учили. Рабочее положение.

В штабе прохладно и пахнет машинописью. Поднимаемся на второй этаж, и у дверей кабинета я на секунду замираю. Из-за неплотно прикрытой двери доносится женский голос. Незнакомый. Низкий, с лёгкой хрипотцой. Такие голоса обычно либо у курящих женщин, либо у тех, кто умеет слушать и молчать. И то, и другое в нашей части редкость.

— Разрешите?

Захожу. Верещагин сидит за столом, насупленный, как старый сыч. Рядом с ним, в кресле для посетителей — женщина. Лет двадцать семь — двадцать восемь на вид. Военная форма, капитанские погоны, короткая стрижка — тёмные волосы уложены так, что подчёркивают острые скулы. Но глаза... глаза не военные. Слишком умные, слишком внимательные. Она смотрит на меня, потом переводит взгляд на Миху, и в этом взгляде мелькает не страх и не умиление, а искренний, профессиональный интерес.

— Старший лейтенант Михаил Волков, — представляется за меня Верещагин. — Наш лучший кинолог. Волков, это капитан Варвара Соболева. Новый психолог. Прикомандирована к нам для... — он заглядывает в бумаги, морщится,

— ...для внедрения современных методик работы с личным составом и служебными собаками.

Я смотрю на неё. Она смотрит на меня.

— Современных методик, значит, — говорю я, позволяя себе лёгкую усмешку. — А чем старые не угодили?

— Тем, что они старые, — отвечает она спокойно. Без вызова, без агрессии, просто констатирует факт. — Ваши методы, товарищ старший лейтенант, возможно, отлично работали десять лет назад. Но сейчас другие риски, другие угрозы, другие психотипы у собак. Нужно учитывать новые данные.

— Капитан у нас из Москвы, — добавляет Верещагин таким тоном, будто говорит «из стана врага». — Кандидат наук. Диссертацию защищала по когнитивным способностям служебных собак.

— Когнитивным? — переспрашиваю я. — Это которые где?

— Которые о том, как собака думает, — она снова смотрит на Миху. Тот сидит у моей ноги, спокойный, как извание, но я чувствую — он тоже её изучает. — Как принимает решения, как оценивает риски, как взаимодействует с человеком не на уровне «команда-выполнение», а на уровне партнёрства.

— Мой пёс, — киваю я на Миху, — думает лучше некоторых сержантов. И принимает решения быстрее. Я ему для этой диссертации не писал.

Варвара чуть заметно улыбается. Не обиженно, а так, буд-

то я подтвердил какую-то её внутреннюю теорию.

— Я знаю. Я читала ваше личное дело. Три года подряд — лучший кинолог округа. Ваша собака брала «золото» на международных соревнованиях в Австрии. Но это не значит, что нельзя работать лучше.

Верещагин кряхтит, явно тяготясь этим разговором. Он не любит умных баб в форме, а уж кандидатов наук — тем более.

— Короче, Волков, — рывкает он, чтобы прекратить дискуссию. — Назначаю тебя ответственным за прохождение стажировки капитана Соболевой. Покажешь ей всё. Работу с собаками, быт, учения. Всё. Чтобы через месяц она написала отчёт, что наши методы — говно, и мы все должны переучиваться. Всё понял?

— Так точно, — отвечаю по уставу, хотя внутри закипает глухое раздражение.

— Свободны.

Выходим в коридор. Миха сразу же идёт вперёд, показывая дорогу к лестнице. Варвара задерживается на секунду, поправляя ремень.

— Я понимаю, что вы не в восторге, — говорит она уже другим тоном. Без официальных ноток. Просто устало. — Я бы тоже не в восторге, если бы ко мне приставили какого-нибудь штабного теоретика. Но давайте хотя бы попробуем не убить друг друга в первую неделю?

Я останавливаюсь, смотрю на неё сверху вниз. Она ма-

ленькая, едва достаёт макушкой до моего плеча. Но держится так, будто она здесь главная.

— Собаки, — говорю я медленно, — не терпят фальши. И я тоже. Если вы будете лезть со своими когнитивными тестами к Михе без меня — я вам руки выдерну. И погоны не помогут.

— Договорились, — кивает она абсолютно серьёзно. — А если я буду лезть с тестами к вам — выдергивайте сразу обе.

Я не ожидал такого ответа. На секунду даже теряюсь, а она уже идёт вниз по лестнице, и стук её каблуков эхом разносится по пустому коридору.

Миха оборачивается, смотрит на меня вопросительно: «Идём или стоять будем?»

— Идём, — говорю я ему.

Но сам ещё смотрю на лестницу, где только что мелькнула её спина. Внутри странное, незнакомое чувство. То ли раздражение, то ли... нет, ерунда. Просто день неудачно начался.

Спускаюсь вниз, выхожу на плац. Солнце уже совсем высоко, и песок на полигоне горит желтизной. Где-то там Соколов продолжает мучить Миху барьером, где-то лают собаки, где-то орут сержанты — обычная жизнь обычной части.

А в голове всё крутится её голос: «Выдергивайте сразу обе».

— Странная баба, — говорю я Михе.

Пёс согласно вздыхает.

Вечером я возвращаюсь домой.

Городская трёшка на окраине, доставшаяся от родителей. Обои в цветочек, которые Алёна клеила пять лет назад, когда мы только поженились, детские рисунки на холодильнике, запах борща и чистой простыни. Здесь пахнет домом.

— Папа!

Дашка вылетает из комнаты, как маленький ураган. Семь лет, две смешные косички, веснушки на носу и безграничная любовь во взгляде. Я подхватываю её на руки, кружу, пока она визжит от восторга. Миха тут же трётся о ноги, тоже хочет внимания. Дашка спрыгивает, обнимает пса за шею, и они вдвоём валятся на пол, начиная возню.

— Ну хватит, звери, — из кухни выходит Алёна. Усталая, в старой футболке, с мокрыми руками. Но улыбается. Она всегда мне улыбается. — Руки мой, ужин готов.

— Привет, — я подхожу, целую её в щеку. Кожа пахнет луком и чем-то домашним, уютным.

— Привет. Как служба?

— Нормально. Психолога нового прислали. Баба. Кандидат наук. Теперь мне с ней возиться.

— Красивая? — Алёна спрашивает это без ревности, просто так, для поддержания разговора.

— Не знаю. Не смотрел.

Она усмехается, идёт накрывать на стол. А я стою в прихожей и понимаю, что соврал. Смотрел. И запомнил каждую чёрточку.

За ужином Дашка рассказывает про школу, про то, как они с классом ходили в зоопарк, про новую учительницу. Алёна кивает, подкладывает мне котлеты, спрашивает, не нужно ли погладить форму. Всё как всегда. Правильно, спокойно, надёжно.

И вдруг — впервые за долгое время — меня накрывает глухая, необъяснимая тоска.

Я смотрю на жену, на дочь, на пса, дремлющего в углу, и чувствую, что задыхаюсь. Что этот уютный, тёплый дом давит на грудную клетку, как бетонная плита. Что я хочу туда — на полигон, в пыль и пот, где всё ясно и просто. Или ещё куда-то, где пахнет опасностью и свободой.

— Ты чего? — Алёна замечает мой взгляд.

— Ничего. Устал.

Она кивает, принимая это объяснение. Потому что всегда принимает. Потому что привыкла, что я мало говорю, мало бываю дома, мало её замечаю. Потому что она терпеливая и хорошая.

Слишком хорошая.

Ночью я долго не могу уснуть. Лежу, смотрю в потолок, слушаю, как тикают часы на кухне. Алёна дышит рядом ровно и спокойно, прижавшись к моему плечу. Тёплая, родная, своя.

Я осторожно высвобождаю руку, встаю, иду на кухню. Наливаю воды. В темноте загораются два огонька — Миха пришёл проверить, чего это хозяин бродит.

— Спи, — шепчу я ему. — Всё нормально.

Он не верит. Ложится у моих ног, кладёт морду на лапы, но не спит — следит. Верный. Преданный. Единственный, кто понимает меня без слов.

А я стою у окна, смотрю на редкие огни ночного города и думаю о том, что завтра снова увижу её. Капитана Соболеву. С её умными глазами и голосом с хрипотцой.

И от этой мысли внутри шевелится что-то тёмное, запретное, то, чему не место в жизни правильного мужа и отца.

Я гоню её прочь. Но она возвращается.

— Идиот, — шепчу я сам себе.

Миха согласно вздыхает. Или нет. В темноте не разобрать.

Глава 2. Михаил

Утро началось с того, что Миха нагадил посреди прихожей.

Я вышел из спальни, еще не проснувшийся, с тяжелой головой после бессонной ночи, и первое, что увидел — эту кучу. Рыжий предатель сидел рядом, виновато склонив голову набок, но в глазах читалось не раскаяние, а скорее вызов: «И что ты мне сделаешь?»

— Ты охренел? — спросил я тихо, чтобы не разбудить Алёну и Дашку.

Миха вздохнул. Он прекрасно знал, где туалет. На улице. Мы всегда гуляли в шесть утра, но сегодня я проспал. И он решил напомнить об этом максимально доходчивым способом.

— Ладно, сам дурак, — я пошел за тряпкой. Миха наблюдал за процессом уборки с философским спокойствием. Когда я закончил, он подошел, ткнулся носом в колено — мол, прощаю — и направился к входной двери, требуя законной прогулки.

Через полчаса мы уже бежали по пустынным утренним улицам. Я в спортивных штанах и старой толстовке, Миха рядом, тяжело дыша и радуясь жизни. Воздух еще прохладный, солнце только встает, город просыпается. Лучшее время суток.

Миха носился по газону за белками, которые дразнили его с высоких тополей, а я сидел на лавочке и курил, хотя после бега курить особенно дурацкое занятие. Но нервы требовали. Из головы не шла вчерашняя встреча. И ее глаза.

— Волков, ты дурак, — сказал я вслух. Миха услышал, обернулся, гавкнул, соглашаясь, и погнался за очередной белкой.

В часть я приехал за полчаса до построения. Успел переодеться, проверить собак в вольерах, перекинуться парой фраз с ночным дежурным. Все как обычно. Кроме ощущения, что сегодня что-то случится.

Оно не обмануло.

Ровно в 8:45, когда я раздавал указания сержантам на плацу, на крыльце штаба появилась она. Капитан Соболева. Вчера она была в форме, сегодня — в камуфляже, который сидел на ней так, будто его шили по индивидуальному заказу. Рыжие волосы чуть влажные после душа, на плече — планшет с бумагами.

Она шла прямо ко мне.

— Товарищ старший лейтенант, — сказала она, останавливаясь в двух метрах. Достаточно, чтобы соблюсти субординацию, но недостаточно, чтобы я не заметил, как пахнет от нее гель для душа — свежий, с нотками цитруса. — Полковник Верещагин приказал начать сегодня. Я готова.

Сержанты переглянулись. Кто-то хмыкнул. Я сверкнул взглядом — хмыканье прекратилось.

— Соколов, — крикнул я. — Заканчивай развод, строишь взвод на полигоне. Я подожду.

— Есть, — Соколов козырнул и умчался, уводя за собой бойцов.

Мы остались вдвоем. Ну, втроем — Миха сидел у моей ноги и сверлил Варвару взглядом.

— Ваш пёс меня недолюбливает, — заметила она.

— Он вообще никого не любит, кроме меня и дочки.

— Похвальная разборчивость. — Она улыбнулась, и в уголках глаз собрались мелкие морщинки. Не от возраста — от привычки улыбаться часто и искренне. — Так с чего начнем? С теории или сразу в поле?

— С поля, — ответил я. — На теории вы собаку не поймете.

Мы пошли на полигон. Солнце уже поднялось, обещая пекло. Миха бежал чуть впереди, то и дело оглядываясь — проверял, идем ли мы за ним, не случилось ли чего. Он всегда так делал, когда я был с незнакомыми людьми. Контролировал ситуацию.

— У него высокая тревожность, — сказала Варвара, наблюдая за Михой. — Гиперопека. Это следствие раннего отъема от матери или травмы. Что с ним случилось?

Я остановился. Посмотрел на нее внимательнее.

— Откуда вы знаете?

— Я же кандидат наук, — она пожала плечами. — Не зря же диссертацию писала. У собак, как и у людей, поведе-

ние формируется травмами. Ваш пёс гиперответственный. Он все время следит, все контролирует. Такое бывает, если в щенячестве случилось что-то, что заставило его понять: расслабляться нельзя, безопасность зависит только от него.

Я молчал. Смотрел на Мihu, который замер в десяти метрах и ждал нас. Рыжая спина, настороженные уши, поджарый корпус.

— Его мать убили, — сказал я наконец. — Когда ему было два месяца. Мы работали в Чечне, попали под обстрел. Суку ранило, она истекала кровью, но продолжала ползти к нему, к щенкам. Я оттащил его, а она... она закрыла собой остальных. Погибла.

— Сколько щенков выжило?

— Только он. Остальных осколками посеколо. Мы даже похоронить не успели — срочная эвакуация. Я забрал его с собой. Два месяца кормил из соски, отпаивал козьим молоком. Думал, не выживет.

— А он выжил. — Варвара смотрела на Мihu совершенно другим взглядом. Без исследовательского холода, с теплотой. — И теперь все время боится, что и вы уйдете, как его мать. Потому и следит.

— Он не боится. Он — воин.

— Воины тоже боятся, товарищ старший лейтенант. Просто умеют скрывать.

Я хотел возразить, но не нашел слов.

На полигоне уже строился третий взвод. Соколов орал так,

что уши закладывало. Бойцы, еще сонные после подъема, переминались с ноги на ногу. В стороне сидели собаки — пять немецких овчарок, две бельгийские, одна кавказская овчарка, которую привезли месяц назад и никак не могли пристроить к делу.

— Ваша группа? — спросила Варвара.

— Моя. Лучшая в части.

— Скромность украшает.

— Правда украшает. Я не скромный.

Она усмехнулась. Смех у нее оказался приятный — низкий, грудной, без истеричных ноток, которыми страдают многие женщины.

— Соколов, строй людей! — крикнул я, подходя.

Через минуту взвод замер. Двадцать четыре человека, семь собак, я, Варвара и Миха, который сел чуть поодаль, чтобы видеть всех сразу.

— Товарищи бойцы, — начал я. — Сегодня у нас особый гость. Капитан Соболева, психолог. Будет смотреть, как мы работаем, и учить нас новым методам. Отнеситесь с уважением и пониманием. Вопросы?

Вопросов не было. Только пара заинтересованных взглядов, скользнувших по фигуре капитана. Я мысленно отметил, кому придется сегодня наряды вне очереди писать, если эти взгляды будут слишком откровенными.

— Приступаем, — скомандовал я.

Два часа пролетели незаметно. Мы гоняли собак по поло-

се препятствий, отрабатывали задержание, искали имитаторы взрывчатки в старых покрышках. Варвара все время что-то записывала в планшет, иногда просила повторить упражнение, иногда задавала вопросы кинологам. Держалась она удивительно естественно. Не лезла с советами, не критиковала, просто наблюдала. Собаки на нее не реагировали — проходили мимо, как мимо пустого места. Это высшая оценка для человека в псарне: если собаки тебя игнорируют, значит, ты не пахнешь угрозой и не пахнешь едой, значит, ты нейтрален.

Когда объявили перерыв, бойцы разбрелись по тенту, достав фляги с водой. Варвара подошла ко мне.

— У вас хорошая подготовка, — сказала она. — База крепкая. Но есть нюансы.

— Какие?

— Слишком жесткая привязка к командам. Вы учите собак выполнять приказы, но не учите их принимать решения. В реальном бою связист может погибнуть, рацию разобьют — и что тогда? Собака останется без управления и впадет в ступор.

— Я учу их доверять мне. Я всегда рядом.

— А если не будете? Если вас ранят, убьют? — Она смотрела прямо, без тени смущения от таких вопросов. — Ваша собака должна уметь работать автономно. Понимать задачу, а не просто выполнять команды. Это сложнее, но эффективнее. Особенно в современных условиях, когда противник ис-

пользует РЭБ и глушит связь.

Я задумался. В ее словах была логика. Неприятная, но логика.

— И как вы предлагаете это тренировать?

— Игры, — ответила она просто. — Не дрессура, а игры. Создавать ситуации, где собака должна сама выбрать правильное решение. Поощрять инициативу, а не только послушание. Например...

Она не договорила. Сзади раздался крик.

Я обернулся. Кавказская овчарка, та самая проблемная, которую никак не могли пристроить, сорвалась с привязи. Огромная, лохматая туша, килограммов под шестьдесят, неслась прямо на нас. В глазах — бешенство, пасть разинута, слюна летит во все стороны. Сзади бежал перепуганный кинолог, молодой сержант Козлов, и орал дурниной.

— Назад! — рявкнул я, выдергивая из-за пояса стек. Бесполезно, конечно, против кавказца. Но хоть что-то.

Собака не реагировала. Она целилась в Варвару. Может, почуяла запах, может, просто сорвалась на первом, кто попался под руку.

Варвара замерла. Не побежала, не закричала, даже не пошевелилась. Только смотрела на несущуюся смерть.

А потом между нами и собакой возникла рыжая молния. Миа.

Он ударил кавказца в корпус, сбивая с траектории. Две туши покатались по песку, вздымая пыль. Рык, визг, хрип

— смешались в один жуткий звук.

— Мих, фу! — заорал я, бросаясь к ним.

Но останавливать было поздно. Миха вцепился кавказцу в горло. Не по-учебному, не имитируя захват, а по-настоящему — челюстями, на смерть. Кавказец пытался вывернуться, бил лапами, но Миха висел мертвой хваткой.

— Разнять их! — крикнул я.

Подбежали бойцы. Кто-то тащил шланг с водой, кто-то палку. Я схватил Миху за ошейник, рванул с силой, от которой у самого чуть суставы не вылетели.

— Мих, фу! Фу, я сказал!

Пёс услышал. Разжал челюсти. Отскочил, тяжело дыша, и встал между мной и поверженным врагом. Кавказец лежал на боку, хрипел, из шеи хлестала кровь.

— Ветврача! Живо! — заорал Козлов, бросаясь к своей собаке.

Я опустился на корточки рядом с Михой. Осмотрел его быстро, профессионально. Царапины, пара укусов на плече, но в целом цел. Повезло.

— Ты чего творишь, дурак? — прошептал я ему в ухо. — Он же тебя порвать мог.

Миха лизнул меня в щеку. Язык шершавый, горячий. И посмотрел на Варвару, которая так и стояла на месте, бледная, но спокойная.

Он защищал не меня. Он защищал её.

— Охренеть, — выдохнул кто-то из бойцов.

Варвара медленно подошла. Протянула руку к Михе. Тот понюхал пальцы, коротко гавкнул и вильнул хвостом. Один раз. Для него это была буря эмоций.

— Спасибо, — сказала она. Псу. Не мне.

Миха снова гавкнул и сел у её ног. Рядом с моими. Мы стояли втроем, и я вдруг остро, до физической боли, осознал, как это странно выглядит со стороны. Моя собака, которая никого не подпускает, только что рисковала жизнью ради женщины, которую видит второй раз в жизни.

— Ветврач едет, — доложил запыхавшийся Соколов. — Козлов в истерике, кавказца в сознание привести не могут.

— Идите помогайте, — приказал я. — Все свободны. Перерыв продлеваю на час.

Бойцы разошлись, уводя собак. Мы остались втроем. Пыль оседала, солнце пекло немилосердно.

— Я думала, он меня убьет, — сказала вдруг Варвара. — Та большая собака. Я просто не успела испугаться. А потом он...

— Он никогда так не делал, — перебил я. — Никого не защищал, кроме меня и Дашки. Даже жену мою терпит, но не защищает. А тут...

— Ваша жена? — Варвара посмотрела на меня внимательно. — Расскажите о ней?

— Нечего рассказывать. Алёна. Поженились восемь лет назад. Еще в училище. Дочка есть. Живем нормально.

— Просто нормально?

— А что еще надо?

Она ничего не ответила. Только погладила Миху по голове, и пёс закрыл глаза от удовольствия.

— Знаете, — сказала она тихо. — Собаки чувствуют людей лучше, чем мы сами. Если ваш пёс решил, что меня стоит защищать — значит, во мне что-то есть. Что-то, чего вы пока не видите.

Я посмотрел на неё. На пыль на щеке, на выгоревшие брови, на тонкую шею, которую мог разорвать кавказец несколько минут назад.

— Может, и не вижу, — ответил я хрипло. — Но вы чуть не погибли из-за моей халатности. Простите.

— Вы не виноваты. Собаки — не машины. Они срываются.

— Я командир. Я отвечаю за всё.

— Гордый, — она улыбнулась той самой улыбкой, от которой в уголках глаз собирались морщинки. — Это хорошо. Гордость помогает выжить. Но иногда мешает жить.

Она пошла к штабу, не оборачиваясь. А я смотрел ей вслед и думал о том, что сегодня случилось что-то важное. Что-то, что изменит всё.

Миха ткнулся носом в мою ладонь. Поднял морду, посмотрел в глаза.

— Что? — спросил я. — Что ты во мне нашел, старый дурак?

Пёс вздохнул. Устало, по-человечески. И побрел в тень,

под навес, где стояла миска с водой.

Вечером, когда я вернулся домой, Алёна встретила меня в прихожей. Она плакала.

— Что случилось? — спросил я, чувствуя, как внутри все холодеет. — Дашка?

— С Дашкой всё хорошо, — всхлипнула она. — Со мной плохо. Я устала, Михаил. Я так устала ждать тебя. Ты приходишь и даже не замечаешь меня. Не спрашиваешь, как у меня дела. Не целуешь просто так. Мы как соседи, которые спят в одной постели.

Я замер. В голове пронеслось: «Она знает? Про Варвару? Про то, что я думал о ней сегодня целый день?»

Но Алёна не знала. Она просто чувствовала. Как Михаил чувствует. Как все чувствуют, кроме меня.

— Алён, я...

— Не надо, — она подняла руку. — Не оправдывайся. Я не для того говорю, чтобы ты оправдывался. Я для того говорю, чтобы ты знал. Мне больно. И если так будет дальше, я не знаю, сколько выдержу.

Она ушла в спальню, тихо прикрыв дверь.

Я остался в прихожей. Михаил подошел, сел рядом. Мы сидели в темноте, и я думал о том, что жизнь разделилась на «до» и «после». И переломный момент наступил сегодня. С утренней кучи на полу до вечерних слез жены.

— Что же ты со мной делаешь, — прошептал я. То ли себе, то ли Михе, то ли той, другой, чей смех с хрипотцой

никак не выходил из головы.

Пёс молчал. Только прижался теплым боком к моей ноге. Верный. Преданный. Единственный, кто не предаст.

А я? Я уже предал. Мысленно. И это было только начало.
Дорогие читатели!

Благодарю вас за интерес к моей новой книге.

Роман основан на реальных событиях, но не лишен художественного вымысла автора.

«Офицер. Право на измену» — это про любовный треугольник. Это про отношения двоих, в которые часто вмешивается третья сторона.

Михаил и Миха — человек и пёс. Измена и верность.

Если роман вас зацепил, то:

- добавьте книгу в библиотеку, чтобы не дать ей затеряться,

- подпишитесь на автора, чтобы точно не пропустить новинки,

- поставьте лайк и напишите комментарий — ваше мнение бесценно.

Именно ваша активность и отзывы помогают истории находить новых читателей.

Также вас ждут и другие мои произведения:

Дневник обманутой жены

<https://litnet.com/shrt/3mRA>

Предательство по Уставу

<https://litnet.com/shrt/BL->

Поцелуй чужими губами

<https://litnet.com/shrt/IbXQ>

Альфонс и его дамы

<https://litnet.com/shrt/-wJv>

Неверный. Семья, которой НЕТ

<https://litnet.com/shrt/zvOz>

Бархатная ловушка

<https://litnet.com/shrt/0hL2>

Развод на троих

<https://litnet.com/shrt/6u6e>

Искренне ваша, Лара Читай!

Глава 3. Михаил

Ночью мне приснился странный сон.

Будто я стою посреди чистого поля, а вокруг — ни души. Только высокая трава, ветер и небо, такое синее, что глаза режет. И вдруг из этой травы выходит волк. Огромный, серый, с желтыми глазами. Он смотрит на меня, и я понимаю — это не просто волк. Это я сам. Моя дикая, свободная часть, которую я давно запер в клетке под названием «правильная жизнь».

Волк подходит ближе. Я чувствую запах его шерсти, слышу дыхание. Он открывает пасть, и вместо рыка оттуда вырывается голос. Женский. С хрипотцой.

— Ты забыл, кто ты есть, — говорит она голосом Варвары. — Ты приручил себя сам. Но диким зверем нельзя стать домашним. Можно только притворяться.

Я хочу ответить, но просыпаюсь.

В комнате темно. Алёна спит, отвернувшись к стене. Ее плечи вздрагивают во сне — плачет даже там. Миха сидит в дверях и смотрит на меня. В темноте его глаза горят зеленым.

— Чего не спишь? — шепчу я.

Он молчит. Только вздыхает и уходит в прихожую, где у него лежанка.

Я лежу, смотрю в потолок и понимаю, что больше не усну.

В голове крутится этот сон, голос Варвары, волчьи глаза. Встаю, иду на кухню, курю в форточку, хотя Алёна терпеть не может запах в квартире. Плевать.

За окном занимается рассвет. Город просыпается — первые машины, первые трамваи, первые собачники во дворе. Где-то там, в части, уже поднимают бойцов. Где-то там Варвара, наверное, тоже не спит, пьет кофе в своей казенной квартире и думает о чем-то своем.

А я думаю о ней. И это хуже всего.

В часть приезжаю за час до подъема. Пустые коридоры, сонный дежурный, запах хлорки и табака. Прохожу в вольеры, проверяю собак. Все спокойны, кроме кавказца — он в лазарете, зашивают раны, которые оставил Миха. Козлову влетело по первое число, но я не стал наказывать строго. Сам виноват — недоглядел за псом, не предупредил срыв. Моя ответственность.

Миха бежит рядом, принюхивается, проверяет территорию. Он всегда так делает по утрам — обходит периметр, метит углы, слушает, не случилось ли чего за ночь. Сейчас он особенно насторожен. Может, чует мое состояние, может, свое что-то.

— Не суетись, — говорю я ему. — Всё нормально.

Он косится на меня, и в этом взгляде читается явное сомнение в моих умственных способностях.

В 8:30, когда я пью чай в столовой, заходит Соколов. Вид у него такой, будто он всю ночь мешки таскал.

— Товарищ старший лейтенант, там это... капитан Соболева пришла. Спрашивает, когда можно продолжать.

— Пусть подождет.

Соколов мнетя, переминается с ноги на ногу.

— Еще что-то?

— Там Козлов плачет. Говорит, кавказца усыплять придется, рана тяжелая, может не выжить. Жалко пса, хороший был, только дикий.

Я молчу. Кавказец действительно был хорош. Требовал особого подхода, но в работе — зверь. А теперь по моей вине лежит под капельницей.

— Скажи ветврачу, пусть делает всё возможное. Если нужно лекарства из города — выпишет счет, я оплачу.

— Есть.

Соколов уходит. Я допиваю чай, иду к штабу. Варвара стоит на крыльце, греется на утреннем солнышке. Сегодня она в обычной полевой форме, без знаков различия, и, если бы не погоны, можно было бы принять за студентку-практикантку. Молодую, красивую, но с умными глазами, которые выдают опыт.

— Доброе утро, — говорит она.

— Доброе.

— Как ваша собака?

— В порядке. А кавказец — под вопросом.

Она кивает, будто ждала этого ответа.

— Можно его посмотреть? У меня есть некоторые знания

в ветеринарии. Не основные, но могу помочь с реабилитацией, если потребуется.

— Зачем вам это?

— Затем, что собака не виновата в том, что у нее сдали нервы. И затем, что, если мы его потеряем, вы будете винить себя. А мне нужен адекватный командир для работы, а не мужик с комплексом вины.

Я смотрю на неё. Она выдерживает взгляд. Ни тени смущения, ни капли кокетства. Просто констатирует факты.

— Пошли, — говорю я.

В лазарете пахнет лекарствами и страхом. Кавказец лежит на боку, тяжело дышит, глаза затянуты пленкой боли. Ветврач, пожилой прапорщик дядя Коля, колдует над капельницей.

— Ну что? — спрашиваю я.

— Плохо, Миша, — дядя Коля качает головой. — Кровотечение сильное было, пока остановили — много потерял. Если до вечера не оклемается, придется решать.

Варвара подходит ближе. Кавказец рычит, пытается поднять голову, но сил нет. Она садится на корточки, протягивает руку. Пес скалится, но она не убирает руку, просто ждет. Минута, две. Пес перестает рычать, нюхает воздух, закрывает глаза.

— Тихий, тихий, — шепчет она. — Всё хорошо. Ты сильный. Ты справишься.

Я смотрю и не верю своим глазам. Кавказец, который ни-

кого не подпускал к себе, кроме Козлова, расслабляется под ее рукой. Дышит ровнее, даже хвостом виляет — едва заметно, кончиком.

— У него шок, — говорит Варвара, не оборачиваясь. — Не столько физический, сколько психологический. Он не понимает, что произошло, почему на него напали, почему он один и почему болит. Ему нужен голос, присутствие, уверенность, что его не бросят.

— Вы можете побыть с ним? — спрашивает дядя Коля.
— У меня еще трое в очереди на прививки.

— Могу.

Я выхожу на улицу, курю. Через стекло видно, как Варвара сидит рядом с кавказцем, гладит его по лобастой голове, что-то шепчет. Пес слушает. Верит.

— Товарищ старший лейтенант, — голос сзади.

Я оборачиваюсь. Козлов. Красный, заплаканный, руки трясутся.

— Простите меня, товарищ старший лейтенант. Я не уследил. Я всё понимаю, три наряда вне очереди, гауптвахта, что хотите.

— Остынь, — говорю я. — Твоей вины тут мало. Собака психанула, бывает. Ты за ней следил, кормил, гулял?

— Так точно.

— Значит, не твоя вина. А моя — что не проверил пса перед выходом, не заметил признаков стресса. Так что шагом марш в казарму, отдыхать, и через два часа — на занятия.

Козлов смотрит недоверчиво, но уходит. А я стою, курю и думаю о том, что Варвара сейчас делает мою работу. Ту часть работы, которую я никогда не умел делать — лечить души. Собачьи, человеческие — неважно.

К обеду кавказец пошел на поправку. Дядя Коля сказал, что это чудо, и косился на Варвару с подозрением — не колдует ли, случаем? А она просто улыбалась и пила чай в моем кабинете, пока я разбирал бумаги.

— Спасибо, — сказал я, не глядя на неё.

— Не за что. Я же психолог. Собаки — та же психика, только честнее.

— Честнее?

— Они не врут. Если любят — любят, если боятся — боятся, если злятся — кусают. А люди врут. Себе в первую очередь.

Она смотрит на меня, и я понимаю, о чем она. О том, что я вру себе, когда думаю, что всё нормально. Что у меня хорошая семья, любимая работа, верный пёс. Что я счастлив.

— А вы? — спрашиваю я, чтобы перевести тему. — Вы себе не врите?

— Я? — она усмехается. — Я вру каждый день. Что всё хорошо, что я сильная, что мне не больно. Но я хотя бы знаю об этом. А большинство даже не знает.

— И что у вас болит?

Она молчит долго. Так долго, что я думаю — не ответит. Потом говорит тихо:

— У меня муж погиб. Два года назад. Подрыв на mine. Мы прожили вместе четыре года, а детей так и не успели. Я осталась одна в тридцать лет. И теперь я приезжаю в части и пытаюсь помочь людям, которые могут погибнуть завтра. Чтобы хоть что-то значило. Чтобы хоть как-то оправдать, что я живу, а он — нет.

Я смотрю на неё и вижу — впервые вижу — не психолога-исследователя, не уверенную в себе женщину, а живого человека. Сломанного, но держащегося.

— Простите, — говорю я.

— За что? Вы не виноваты. Никто не виноват. Просто так бывает. Жизнь — большая сука, которая любит ломать игрушки.

Она допивает чай, встает.

— Пойду я. На сегодня хватит впечатлений. Завтра продолжим.

У дверей останавливается, оборачивается.

— Знаете, Михаил, ваша собака вчера спасла мне жизнь. Я не забуду этого. И если вам когда-нибудь понадобится помощь — любая — я рядом. Потому что такие вещи долгами не считаются, но помнятся.

Она уходит. А я сижу и смотрю на дверь, за которой только что скрылась женщина с голосом с хрипотцой и глазами, в которых прячется бездонная боль.

Вечером я еду домой и думаю о ней. О её муже, о её одиночестве, о её силе. И о том, что Алёна рядом, живая, тёп-

лая, любящая, а я думаю о другой. О той, которую видел три раза в жизни.

Дома меня ждет сюрприз.

Дашка встречает с рисунком в руках. На рисунке — я, Миша и она. Мы стоим на полянке, светит солнце, и все улыбаются.

— Это наша семья, папа! — кричит она. — Смотри, как похоже!

Я смотрю и вижу, что в углу рисунка есть еще одна фигура. Маленькая, с косичками.

— А это кто? — спрашиваю.

— Это тётя, — отвечает Дашка. — Я не знаю, кто она. Просто мне показалось, что кого-то не хватает. Можно, она будет с нами?

Алёна, которая стоит в дверях кухни, бледнеет.

— Дашенька, иди мой руки, ужин готов, — говорит она тихо.

Дашка убегает. Мы остаемся вдвоем в прихожей.

— Что это значит? — спрашивает Алёна. В голосе дрожь. — Почему она нарисовала чужую женщину?

— Не знаю, — отвечаю я. И это правда. Я правда не знаю. Но внутри всё холодеет от догадки.

Дети чувствуют. Они видят то, что взрослые прячут за улыбками и словами. Дашка нарисовала ту, о ком я думал весь день. Ту, кто уже вошел в нашу жизнь, хотя ногой не ступала на порог.

— У тебя кто-то есть? — спрашивает Алёна. Прямо, в лоб. Так, как умеют спрашивать только женщины, доведенные до отчаяния.

— Нет, — отвечаю я. — Никого.

И снова вру. Себе, ей, всем.

Миха сидит в углу и смотрит на меня. В его глазах — укор. Он-то знает правду. Он всегда знает.

Ночью Алёна не ложится со мной. Она уходит в детскую, к Дашке. Я лежу один в пустой спальне, слушаю тишину и думаю о том, что жизнь трещит по швам. Что правильная, выстроенная годами конструкция рушится в одно мгновение. И виноват в этом только я.

Засыпаю под утро. И снова снится волк. Он стоит на краю поля, смотрит на меня и ждет. Чего-то ждет.

— Чего тебе? — спрашиваю я во сне.

— Выбора, — отвечает волк голосом Варвары. — Ты должен выбрать, кто ты. Домашний пёс или дикий зверь. И третьего не дано.

Я просыпаюсь в холодном поту. За окном светает. Михаил лежит рядом, положив голову мне на грудь. Тяжелый, теплый, живой.

— Что же мне делать, брат? — шепчу я ему.

Пёс молчит. Только смотрит своими умными глазами и вздыхает. Ему тоже страшно. Он чувствует, что стая распадается. И не знает, как это остановить.

А я не знаю, хочу ли останавливать.

Глава 4. Михаил

Неделя пролетела как один длинный, выматывающий день.

Я жил на автомате: подъем, часть, собаки, Варвара, дом, ужин, молчание. Алёна говорила со мной только по необходимости — «привет», «пока», «Дашка уже спит». Она не скандалила, не выясняла отношения, просто закрылась. Как будто меня не стало. Как будто я уже ушел, а тело еще ходит по квартире, ест, спит в пустой постели.

Дашка тоже притихла. Перестала встречать в прихожей, перестала виснуть на шее. Только смотрела иногда из-за угла большими глазами, в которых застыл немой вопрос: «Папа, что с нами происходит?»

Я не знал, что ей ответить.

В части было легче. Там можно было работать, гонять бойцов, заниматься собаками. Там была Варвара, которая после случая с кавказцем стала своей. Бойцы к ней привыкли, собаки перестали обращать внимание, а дядя Коля даже приглашал ее ассистировать в сложных случаях. Она приходила каждый день, сидела в моем кабинете, пила чай, делала записи в своем планшете. Иногда мы говорили. Иногда просто молчали.

Я поймал себя на том, что жду этих моментов. Когда она войдет, сядет напротив, положит ногу на ногу (она всегда так

делала, когда садилась — закидывала левую ногу на правую, и это движение отчего-то завораживало), скажет: «Ну что, Волков, чем сегодня удивишь?»

Жду. Как щенок ждет хозяина. Как дурак ждет чуда.

В пятницу случилось то, что должно было случиться.

Мы поехали на полигон за город — нужно было проверить, как собаки работают в условиях, приближенных к боевым. Старый аэродром, заброшенные ангары, ржавая техника. Идеальное место для тренировок.

Варвара напросилась сама. Сказала, что ей нужны полевые наблюдения, что теория теорией, а практика — мать учения. Полковник Верещагин махнул рукой — пусть едет, только под вашу ответственность, Волков.

Мою ответственность. Если бы он знал, чем это обернется.

Мы выехали в шесть утра. Я, Соколов, трое бойцов, четыре собаки, включая Миху, и Варвара. У неё был свой рюкзак, из которого торчали какие-то приборы и термос. Она села в кабину рядом со мной, и всю дорогу молчала, глядя в окно.

— Не выспались? — спросил я, чтобы нарушить тишину.

— Выспалась, — ответила она, не оборачиваясь. — Думаю.

— О чём?

— О жизни. О выборе. О том, что иногда самые правильные решения оказываются самыми неправильными.

Я не нашелся, что ответить.

На полигоне работали до обеда. Гоняли собак по ангарам, искали имитаторы, отрабатывали задержание. Варвара все записывала, снимала на камеру, иногда задавала вопросы. К обеду все вымотались так, что бойцы едва стояли на ногах.

— Перерыв два часа, — скомандовал я. — Обед, отдых, в 15:00 продолжим.

Бойцы разбрелись по тенту, достали сухпайки. Я отошел в сторону, к старому бетонному блоку, сел на нагретый солнцем камень. Достал сигарету, закурил.

Через пять минут рядом села Варвара.

— Дайте сигарету, — попросила она.

— Вы же не курите.

— Откуда знаете?

— Не пахнет. От курящих всегда пахнет, даже если они не курят при вас. А от вас пахнет только гелем для душа и еще чем-то... мятой, кажется.

Она усмехнулась, но сигарету взяла. Закурила неумело, закашлялась.

— Дурацкая привычка, — сказала она, глядя на дым. — Но иногда хочется. Просто чтобы занять руки и рот. Чтобы не думать.

— А вы много думаете?

— Слишком много. Это моя работа — думать. И моя беда — тоже.

Мы сидели молча. Солнце припекало, ветер шевелил траву, где-то далеко лаяли собаки. Миха лежал у моих ног, по-

ложив морду на лапы, и делал вид, что спит. Но я знал — он не спит. Он слушает. Следит. Охраняет.

— Расскажите о своей жене, — вдруг попросила Варвара.

— Зачем?

— Хочу понять. Вы о ней почти не говорите. Только что есть и всё. А любой человек, который дорог, заслуживает слов.

Я затанулся, выпустил дым в небо.

— Алёна... она хорошая. Добрая. Терпеливая. Слишком терпеливая, наверное. Мы познакомились, когда я учился в училище. Она работала в библиотеке, представляете? В библиотеке. Тихая такая, скромная, в очках. Я пришел за книгой, дурак дураком, в камуфляже, с бычком в зубах. А она не побрезговала, помогла найти. Потом встретились случайно в парке, разговорились. Через месяц расписались.

— Быстро. И что почувствовали?

— Спокойствие. С ней было спокойно. Как в тылу после боя. Тишина, уют, никакой опасности. Я думал, это и есть счастье.

— А теперь?

Я промолчал. Не знал, что ответить. Вернее, знал, но не мог сказать вслух.

— А теперь вы сидите здесь, со мной, курите и молчите, — закончила она за меня. — И в глазах у вас не спокойствие, Волков. В глазах у вас голод.

— Какой голод?

— Дикий. Тот самый, который не утолить домашними котлетами и тихими вечерами. Вы волк, которого посадили на цепь и называли собакой. И цепь трещит.

Я посмотрел на неё. Она смотрела прямо, не отводя взгляд. Солнце светило ей в спину, и вокруг головы сиял ореол — выгоревшие волосы, легкий пушок на щеках, родинка над верхней губой, которую я раньше не замечал.

— А вы? — спросил я хрипло. — Вы кто?

— Я? — она улыбнулась грустно. — Я волчица, у которой убили волка. И теперь она бродит одна и ищет, к чему прибиться. Но ни одна стая не принимает чужаков.

— А моя стая?

— В вашей стае уже есть волчица. И волчата. Мне там места нет.

— Дашка нарисовала вас, — сказал я вдруг. — На рисунке. Где наша семья. Она нарисовала вас.

Варвара замерла. Сигарета дрогнула в пальцах.

— Что?

— Не знаю, почему. Просто нарисовала какую-то тётю. Алёна спросила, есть ли у меня кто-то. Я сказал — нет.

— А есть?

Я смотрел на неё. На её губы, на родинку над губой, на глаза, в которых плескалась боль пополам с надеждой. И молчал.

Она первая отвела взгляд. Встала, отряхнула форму.

— Пойду я. Отдыхайте. В три встретимся.

— Варвара...

— Что?

— Ничего. Просто... спасибо. За вчера. За кавказца. За то, что есть.

Она кивнула и ушла. А я остался сидеть на камне, смотреть в небо и чувствовать, как внутри разгорается пожар.

После обеда работали еще три часа. К вечеру все вымотались до состояния вареных макарон. Я решил, что ночевать останемся здесь — утром продолжим, чтобы не мотаться туда-сюда.

Разбили палатки, развели костер. Бойцы достали тушенку, сварили макароны по-полевому. Смеялись, травили байки, вспоминали службу. Обычный вечер обычных военных.

Я сидел чуть поодаль, с Михой, и слушал. Варвара сидела у костра, и в свете пламени её лицо казалось нереальным — то ли ангельским, то ли дьявольским. Она слушала байки, улыбалась, даже смеялась иногда. Но я видел — она тоже сидит отдельно. Тоже не своя среди этих людей.

К полуночи все разбрелись по палаткам. Я проверил посты, убедился, что собаки спокойны, и пошел к своей палатке. Она стояла чуть на отшибе — командирская привилегия.

В палатке горел фонарик. Варвара сидела на моем спальнике и читала книгу.

— Вы чего здесь? — спросил я, чувствуя, как сердце уходит в пятки.

— Жду вас, — ответила она спокойно. — Не спится. Ду-

мала, поговорим.

— О чём?

— О том, о чём молчим оба.

Я сел напротив. В палатке было тесно, наши колени почти соприкасались. Пахло брезентом, землей и ею — мятой и еще чем-то неуловимым.

— Я не могу, — сказал я.

— Что не можете?

— Быть здесь. С вами. Так.

— А как вы хотите?

Я молчал. Смотрел на её руки, лежащие на книге. Тонкие пальцы, без колец. Чистые ногти, никакого лака. Руки женщины, которая умеет работать, а не только красить ресницы.

— Я хочу вас, — сказал я. Просто, грубо, как есть.

Она не удивилась. Не испугалась. Только кивнула, будто ждала этого.

— Я знаю, — сказала она. — И я вас хочу. С первой минуты, как вы вошли в тот кабинет. Злой, красивый, с этой собакой у ноги. Я подумала тогда: вот он, волк. Настоящий.

— Варя...

— Но я не могу, — перебила она. — Не потому, что не хочу. Потому что боюсь. Вы женаты. У вас ребенок. Если мы сделаем это, вы разрушите свою семью. Или не разрушите, но будете ненавидеть меня за то, что я стала причиной.

— Вы не причина.

— Я буду. В глазах вашей жены — буду. В ваших соб-

ственных глазах — буду. А я не хочу быть причиной чьей-то боли. Я свою уже отболела.

Она встала, чтобы уйти. Я схватил её за руку. Дернул на себя. Она упала на колени, прямо передо мной. Мы смотрели друг на друга в полумраке палатки, и между нами искрило так, что, казалось, воздух плавится.

— Отпустите, — прошептала она.

— Не могу.

— Должны.

— Я ничего никому не должен.

— Должны. Дочке должны. Жене должны. Себе должны. А я... я просто прохожий. Не делайте из меня судьбу.

Она вырвала руку и вышла.

Я остался один. Сидел в темноте, слушал, как стучит сердце, и думал о том, что она права. Во всём права. И от этого было ещё горше.

Ночью я не спал. Лежал, смотрел в брезентовый потолок, слушал звуки ночного лагеря. Где-то ухал филин, где-то лаяли собаки, где-то храпел Соколов. А в соседней палатке, в трёх метрах от меня, лежала она. И между нами была пропасть.

Под утро я задремал. И снова пришёл волк.

Теперь он стоял на краю обрыва. Внизу шумела река, сверху кружили птицы. Волк обернулся, посмотрел на меня и прыгнул в пустоту. Я рванул за ним, но не успел — он исчез в белой пене воды.

— Просыпайтесь, — голос Варвары выдернул из сна. — Тревога.

Я вскочил. За палаткой орали, лаяли собаки, хлопали выстрелы.

— Что случилось?

— Диверсанты, — сказала она спокойно. — Настоящие. Лесники сообщили, группа прошла границу. Мы в зоне риска.

Я вылетел из палатки. Бойцы уже строились, собаки рвались с поводков. Варвара стояла рядом, сжимая в руках пистолет — маленький ПМ, почти игрушечный на фоне моей «Грозы».

— Вы стрелять умеете? — спросил я.

— Умею. Муж научил.

— Тогда держитесь за мной. Мих, рядом!

Пёс взвился с места, готовый к работе. В его глазах горел тот самый боевой огонь, который я видел только в реальных переделках.

— Соколов, прикрываешь группу с тыла. Иванов, Петров — по флангам. Остальные за мной. Задача — обнаружить и задержать. Вперёд!

Мы побежали в лес. Впереди — я и Миха, за нами — Варвара, сзади — бойцы. Рассвет только начинался, в лесу было сыро и холодно. Миха взял след сразу — рванул так, что я едва поспевал.

— Есть! — крикнул я. — Минутах в пятнадцати.

Мы бежали ещё минут десять. Потом Миха замер, поднял ухо, прислушался. Я поднял руку — стоп. Все замерли.

Впереди, метрах в пятидесяти, треснула ветка.

— Группа, приготовиться, — шепнул я в рацию. — Работаем по команде.

Я отпустил поводок. Миха скользнул в кусты бесшумно, как тень. Через секунду оттуда донесся рык, потом крик, потом выстрел.

— Вперёд!

Мы ворвались на поляну. Трое в камуфляже без опознавательных знаков, автоматы на изготовку. Один валялся на земле — Миха держал его за руку, в которой зажат пистолет. Двое других целились в нас.

— Бросай оружие! — заорал я. — Вы окружены!

Они не бросили. Открыли огонь.

Я упал, покатился, стреляя навскидку. Сзади застрочили автоматы бойцов. Перестрелка длилась секунд тридцать, но показалась вечностью.

Когда дым рассеялся, двое диверсантов лежали без движения. Третьего Миха держал так, что тот даже дышать боялся.

— Чисто, — доложил Соколов.

— Раненые есть?

— У Петрова царапина, у меня — нет. У вас?

Я осмотрел себя. Цел.

— Варвара? — обернулся я.

Она стояла на коленях, прижимая руку к плечу. Между пальцев сочилась кровь.

— Чёрт, — выдохнул я и бросился к ней.

— Пустяки, — сказала она сквозь зубы. — Рикошетом зацепило. Не смертельно.

— Соколов, вызывай вертушку! Срочно!

— Есть!

Я разорвал её рукав. Рана выглядела скверно — пуля прошла по касательной, содрав кожу и мясо. Кровища хлестала так, что через минуту вся моя форма была в красном.

— Больно? — спросил идиотский вопрос.

— А ты как думаешь? — она попыталась улыбнуться, но вышла гримаса.

Я перетянул рану жгутом из своей майки, прижал тампоном. Она смотрела на меня и молчала.

— Зачем ты пошла? — спросил я. — Я же сказал — держаться сзади.

— Я и держалась. А пуля дура, ей не объяснишь, где перед, где зад.

— Дура, — согласился я. — Ты тоже дура. Зачем вообще полезла?

— Затем, что вы там были, — сказала она тихо. — Я за вами пошла. Не за бойцами, не за заданием. За вами, дураком.

Я смотрел на неё, на кровь, на бледные губы, и понимал, что пропал. Окончательно и бесповоротно.

Вертолёт прилетел через сорок минут. Варвару увезли в

госпиталь. Я остался на поляне, с тремя трупами, раненым диверсантом и Михой, который вылизывал мои руки, перепачканные её кровью.

— Что же ты наделал, — прошептал я. — Что же мы наделали.

Пёс вздохнул и лизнул меня в щёку. В его глазах была тоска. Он тоже чувствовал — что-то изменилось. Что-то важное, непоправимое.

Вечером, когда я вернулся в часть и сдал оружие, меня ждала записка в кабинете. От Варвары, переданная через дежурного.

«Жива. Не волнуйтесь. И не ищите. Варя».

Я сжал бумажку в кулаке и вышел на крыльцо. Смотрел на звезды, курил одну за одной и думал о том, что завтра поеду в госпиталь. Что бы она ни писала, что бы ни говорила. Поеду. Потому что не могу иначе.

А дома ждала Алёна. Ждала и не знала, что её муж уже не с ней. Что он остался там, на поляне, в крови женщины с голосом с хрипотцой.

— Прости, — шепнул я в пустоту. — Прости меня, если сможешь.

Но кто простит? И за что?

Звёзды молчали.

Глава 5. Алена

Я проснулась в три часа ночи и сразу поняла: его нет.

Рука потянулась на другую половину кровати — холодная, пустая. Простыня даже не нагрелась. Значит, ушёл давно. Сидит на кухне, курит в форточку, хотя знает, что я ненавижу этот запах в квартире. Или ушёл гулять с Михой. Или... я даже думать боялась, что «или».

Встала, накинула халат, пошла на кухню. Пусто. Только пепельница на подоконнике полная бычков, и форточка открыта настежь. Ночной воздух холодный, октябрь уже, а он всё в майке сидит, здоровья, блин, богатырское.

Миха лежал в прихожей на своём месте. Поднял голову, посмотрел на меня виновато. Он всегда так смотрит, когда хозяин делает что-то не то. Будто извиняется за него.

— Где он? — спросила я шёпотом.

Пёс вздохнул и уткнулся мордой в лапы. Не скажет. Или не знает. Или знает, но не хочет предавать.

Я вернулась в спальню, легла, закрыла глаза. Но сон не шёл. В голове крутилось одно и то же: последние недели, его взгляды в пустоту, молчание за ужином, Дашкин рисунок. Эта женщина на рисунке. Кто она? Откуда взялась в голове у семилетнего ребёнка?

Дети чувствуют. У них нет наших взрослых фильтров, они видят правду напрямую. Если Дашка её нарисовала — зна-

чит, она есть. Где-то рядом. В мыслях Михаила, в его сердце, в его жизни.

Я сжала подушку и заплакала. Тихо, чтобы никто не слышал. Чтобы Дашка не проснулась. Чтобы он, если вдруг вернётся, не увидел моих слёз. Гордость — последнее, что у меня осталось.

Мы познакомились восемь лет назад.

Я работала в библиотеке, в тихом районе, куда редко заходили люди в форме. А он зашёл. Искал какую-то книгу про собак. Сказал, что ему нужно для службы, а в военной библиотеке нет.

Я помню каждую деталь того дня. Как он стоял у стеллажа, перебирал корешки своими грубыми пальцами, и я вдруг испугалась, что он порвёт страницы. Как он обернулся и посмотрел на меня — и у меня подкосились ноги. Так на меня никто не смотрел. Не раздевая, не оценивая, а просто — видя. Будто я была не библиотекарем в очках и с дурацкой причёской, а чем-то важным. Нужным.

Через месяц мы расписались. Мама плакала, говорила: «Опомнись, он военный, ты его год в году видеть не будешь». А я не слушала. Я была влюблена так, как бывает только в девятнадцать лет — безоглядно, навсегда, до гроба.

Первые годы были тяжёлыми. Командировки, его ранения, мои бессонные ночи. Но когда он возвращался — мир обретал краски. Он приносил с собой эту свою дикую энергию, этот запах опасности и свободы, и наша маленькая квар-

тира превращалась в космос. Мы могли говорить часами, а могли молчать — и это молчание было лучше любых разговоров.

Потом родилась Дашка. И всё изменилось.

Я думала, станет легче — он будет больше времени проводить дома, будет помогать, будет рядом. А он, наоборот, отдалился. Как будто ребёнок занял моё место, и теперь я нужна была только для быта, для уюта, для ужина. А всё то важное, что было между нами — разговоры, взгляды, прикосновения — ушло. Растворилось в пелёнках и бессонных ночах.

Я пыталась говорить. Пыталась объяснить, что мне не хватает его. Что я не только мать, но и женщина. Что мне нужно, чтобы он просто обнял и спросил: «Как ты?» — и правда дождался ответа.

Он кивал, обещал исправиться — и уезжал на неделю на полигон. Возвращался, снова обещал — и снова уезжал.

Я привыкла. Смирилась. Научилась жить в этой тишине, в этом одиночестве вдвоём. У меня была Дашка, были подруги, была работа. Я убедила себя, что так и должно быть. Что мужчина после войны не может быть нежным. Что ему нужно время, чтобы оттаять.

Я ждала восемь лет.

А теперь, кажется, ждать больше нечего.

Он вернулся под утро.

Я слышала, как щёлкнул замок, как Миха радостно за-

возился в прихожей, как тихо, стараясь не шуметь, Михаил прошёл в ванную. Потом зашёл в спальню, лёг на край кровати, даже не попытавшись прикоснуться.

Я лежала с закрытыми глазами и делала вид, что сплю. Внутри всё кипело.

— Алён, — позвал он шёпотом. — Ты спишь?

Я промолчала. Не могла говорить. Боялась, что, если открою рот — выплеснется всё: боль, обида, подозрения.

Он вздохнул, повернулся на спину и затих. Через десять минут дыхание стало ровным — уснул. А я лежала и смотрела в потолок до самого рассвета.

Утром, когда я вела Дашку в школу, мы встретили во дворе соседку, тётю Зину с третьего этажа. Она вечно всё знает, вечно суёт нос не в свои дела.

— Алёнушка, красавица, — запричитала она, увидев меня. — А я тебя вчера вечером искала. Хотела соли попросить. А мужа твоего видела, он с собакой гулял поздно, часов в одиннадцать. Не спит он у тебя, бедняжка, работа, видать, нервная.

— Работа, — подтвердила я, хотя внутри всё оборвалось.

В одиннадцать он гулял с Михой. А потом? Где он был с трёх до пяти? На полигоне? В части? Или...

Я затолкала эту мысль поглубже и улыбнулась тёте Зине.

В школе Дашка вдруг расплакалась. Прямо у входа, когда я уже собиралась уходить.

— Мамочка, не уходи, — она вцепилась в мою руку. —

Побудь со мной.

— Дашенька, что случилось? — я присела на корточки, заглянула в её заплаканные глаза. — Ты заболела? Обидел кто?

— Нет, — она шмыгнула носом. — Просто мне страшно.

— Чего тебе страшно?

— Что ты и папа... что вы... — она не договорила, разрыдалась ещё сильнее.

Я обняла её, прижала к себе, зашептала на ухо: «Всё хорошо, малыш, всё будет хорошо, мы тебя любим, мы всегда будем вместе». А у самой сердце разрывалось на части. Потому что я не знала, будет ли хорошо. И будем ли мы вместе.

Учительница вышла, забрала Дашку, увела в класс. Я постояла ещё немного у школы, глядя на серое небо, и пошла на работу.

В библиотеке было тихо, как всегда. Пахло книгами, пылью и уютом. Я села за свой столик, уткнулась в компьютер и попыталась работать. Но строчкиплыли перед глазами, и перед ними стояло одно — её лицо. Которое я никогда не видела, но которое уже ненавидела всей душой.

В обед позвонила мама.

— Алёна, как ты? — спросила она своим обычным голосом, в котором всегда слышалось беспокойство.

— Нормально, мам.

— А голос почему такой?

— Какой?

— Уставший. Плакала, что ли?

— Нет, просто на работе много забот.

— Алёна, я же мать, я чувствую. Что случилось?

И я не выдержала. Разрыдалась прямо в телефон, в читальном зале, где сидели студенты и пенсионеры с газетами. Выбежала в коридор, прижалась к стене и выла в трубку, как раненая волчица.

— Мамочка, он... он меня не любит больше. Я чувствую. У него кто-то есть.

— Доченька, ты уверена? Может, показалось?

— Дашка нарисовала какую-то тётю. Сказала, что это член семьи. Он ночами не спит, уходит, молчит. Мама, я схожу с ума.

Мама молчала. Потом вздохнула тяжело, как умеют только матери, которые всю жизнь за нас переживают.

— Алёна, ты должна поговорить с ним. По-честному. Не молчать, не терпеть. Спросить прямо.

— А если он скажет правду?

— А если не скажешь ты — правда сама тебя найдёт. И будет поздно.

Я положила трубку и долго стояла в коридоре, глядя на серую стену. Мама права. Надо поговорить. Надо узнать. Даже если это убьёт меня.

Вечером я вернулась домой пораньше. Купила продукты, приготовила ужин — его любимые котлеты с пюре, салат, пирог с яблоками. Накрыла на стол, зажгла свечи. Дашку от-

правила к соседке поиграть с их девочкой на час.

Ждала.

Он пришёл в восемь. Уставший, с тёмными кругами под глазами, с Михой, который сразу прошлёпал на кухню и лёг у своих мисок.

— Ого, — сказал Михаил, увидев стол. — Праздник какой?

— Садись, — ответила я. — Поговорить надо.

Он замер. Посмотрел на меня внимательно, тяжело. Потом прошёл, сел, положил руки на стол. Я смотрела на эти руки — сильные, с обветренной кожей, с мозолями на ладонях. Руки, которые когда-то так нежно меня касались. Когда-то.

— Я слушаю, — сказал он.

Я набрала в грудь воздуха и выдохнула:

— Кто она?

Он не стал спрашивать «о чём ты». Не стал делать удивлённое лицо. Просто смотрел на меня, и в его глазах было что-то страшное. Не вина. Не раскаяние. А... облегчение. Как будто он сам ждал этого вопроса.

— Её зовут Варвара, — сказал он тихо. — Она психолог, прикомандирована к части. И я... Алёна, я не знаю, что со мной происходит. Я не хотел. Это случилось само.

Мир рухнул.

Я сидела напротив него, смотрела в эти глаза, которые любила восемь лет, и не могла поверить, что он это говорит.

Что он признаётся. Что между ними что-то было.

— Ты спал с ней? — спросила я, и голос не дрогнул. Со всем. Я сама удивилась.

— Нет, — ответил он твёрдо. — Не спал. Но я думаю о ней. Каждую минуту. Я не могу это контролировать.

— Думаешь? — я усмехнулась, хотя внутри всё кричало. — Ты думаешь о другой женщине, а я должна быть счастлива, что ты с ней не спал? Ты издеваешься?

— Я не издеваюсь. Я пытаюсь быть честным. Ты спросила — я ответил.

— Ах, честным! — я вскочила, опрокинув стул. — Ты восемь лет молчал, уходил в себя, не замечал меня, не слышал, а теперь решил быть честным?! Когда появилась она?!

— Алёна...

— Не смей! — заорала я. — Не смей называть меня по имени. Ты предатель! Ты трус! Ты... — голос сорвался, и я разрыдалась. Опустилась на пол прямо посреди кухни, обхватила голову руками и завывала.

Он подошёл, попытался обнять. Я оттолкнула.

— Не трогай меня! Не прикасайся!

— Алёна, прости...

— Убирайся, — сказала я тихо. — Убирайся из моей жизни. Иди к ней, раз она такая замечательная. Раз ты о ней думаешь каждую минуту.

— Я не могу уйти. У нас Дашка.

— А надо было думать раньше, когда влюблялся в эту

свою Варвару! — я подняла на него заплаканные глаза. — Ты предал нас. Нашу семью. Дашку. Меня. И не смей прикрываться ребёнком.

Он стоял надо мной, огромный, растерянный, жалкий в своей правоте и своей вине. А я сидела на полу и чувствовала, как внутри что-то умирает. Что-то важное, что держало меня всё эти годы. Надежда, что он изменится. Любовь, которая грела даже в самые холодные ночи. Вера, что мы справимся.

Всё умерло.

Миха подошёл, лизнул мою руку. Я отняла руку. Не хотела ничего, связанного с ним. Даже собаку.

— Уйди, — повторила я. — Пожалуйста, просто уйди.

Он ушёл, забрав с собой Миху.

Я слышала, как хлопнула дверь, как щёлкнул замок. А потом наступила тишина. Такая густая, что можно было резать ножом.

Я не знаю, сколько просидела на полу. Может, час, может, два. Очнулась от стука в дверь. Соседка привела Дашку.

— Мамочка, — дочка вбежала в квартиру, остановилась, увидев меня на полу. — Ты чего? Ты плакала? Где папа?

Я встала, вытерла слёзы, улыбнулась. Самая страшная улыбка в моей жизни.

— Папа уехал по работе, малыш. Надолго. А я... я просто устала. Иди мой руки, я разогрею ужин.

Дашка посмотрела на меня подозрительно, но послуша-

лась. А я пошла на кухню, убрала разбитую тарелку (я даже не заметила, когда разбила), выбросила остывшие котлеты, задула свечи.

Ужина не будет. Семьи не будет. Жизни не будет.

Будет только пустота.

Ночью я лежала одна в нашей постели и смотрела в потолок. Вспоминала нашу свадьбу — он в форме, я в белом платье, дождь за окном, и мы целуемся под крики «Горько!». Вспоминала, как он впервые взял на руки Дашку — огромными ручищами, осторожно, будто боялся раздавить. Вспоминала, как мы сидели на кухне ночью, пили чай и мечтали о будущем.

Куда это всё ушло? Когда сломалось? И можно ли починить?

Я не знала ответов. Знала только одно: если он вернётся, если скажет, что ошибся, что выбирает нас — я, наверное, прощу. Потому что без него я не я. Потому, что восемь лет — это не выкинуть. Потому что любовь, даже убитая, продолжает болеть.

А если не вернётся? Если выберет её?

Тогда я выживу. Ради Дашки. Ради себя. Я сильная. Я справлюсь.

Но как же это больно. Господи, как же больно.

Я повернулась на бок и увидела на тумбочке Дашкин рисунок. Тот самый, где она нарисовала чужую женщину. Теперь я знала, как её зовут. Варвара.

Красивое имя. Для красивой женщины, которая украла моего мужа.

Я взяла рисунок, долго смотрела на него. А потом аккуратно, стараясь не порвать, сложила пополам. Ещё раз. И ещё. Получился маленький квадратик, который я спрятала в ящик тумбочки.

Не хочу видеть. Не хочу помнить. Хочу забыть.

Но забыть не получится. Такое не забывается.

Под утро я задремала. И впервые за много лет мне ничего не снилось. Только темнота. Густая, вязкая, безысходная.

Я проснулась от того, что кто-то смотрел на меня.

Открыла глаза — в дверях стояла Дашка. В пижаме, с расчёпанными косичками, с куклой под мышкой.

— Мамочка, — сказала она шёпотом. — А папа вернётся?

Я села на кровати, протянула к ней руки.

— Иди ко мне, доченька.

Она забралась, прижалась, тёплая, пахнущая детством и сном. Я обняла её, поцеловала в макушку.

— Вернётся, — сказала я. — Обязательно вернётся.

Я не знала, верю ли в это. Но ей нужно было верить. Ей нужно было, чтобы мир не рухнул окончательно.

— А ты его простишь? — спросила она.

Я промолчала. Потому что не знала ответа.

Мы сидели так долго, обнявшись, в пустой квартире, в пустой постели. За окном вставало солнце, начинался новый день. Первый день моей новой жизни. Жизни без него.

Или с ним, но уже совсем другой.

Я не знала, что будет дальше. Знала только, что буду бороться. За себя. За дочку. За остатки того, что когда-то было нашей любовью.

А он... он пусть выбирает. Я устала выбирать за двоих.

Глава 6. Михаил

Я ночевал в части.

После того разговора с Алёной просто не мог вернуться домой. Вышел из квартиры, сел в машину, завёл двигатель и долго сидел, глядя на освещённые окна нашего дома. Там, на четвёртом этаже, горел свет в спальне. Алёна, наверное, плакала. Или сидела на полу, как тогда на кухне, и смотрела в одну точку.

Я сжал руль так, что побелели костяшки.

— Ты мудака, Волков, — сказал я вслух. — Редкостный мудака.

Миха с заднего сиденья вздохнул, соглашаясь.

В часть я приехал к полуночи. Дежурный удивился, но вопросов задавать не стал — не положено. Я прошёл в свой кабинет, включил настольную лампу, достал из сейфа старую армейскую флягу. Коньяк, ещё с прошлой командировки, берег для особого случая. Видимо, случай настал.

Налил в кружку, выпил залпом. Обожгло горло, разлилось теплом в груди. Стало чуть легче. Совсем чуть-чуть.

Миха лёг у двери, положил морду на лапы и смотрел на меня с таким выражением, будто я тяжелобольной, а он — сиделка, которая обязана досмотреть до конца.

— Не смотри так, — попросил я. — Я сам знаю.

Он не отвернулся.

Я налил ещё. Достал телефон. Сообщений не было — ни от Алёны, ни от Варвары. Никто не хотел меня знать. И правильно. От такого, как я, лучше держаться подальше.

Варвара. Я запретил себе думать о ней, но мысли лезли сами. Как она сидела у костра, как смеялась, как смотрела на меня в той палатке. Как держала пистолет, прижимая раненую руку к груди. Как сказала: «Я за вами пошла».

Что я наделал? Зачем позволил этому случиться? Ведь знал же, с самого первого дня знал, что эта женщина — опасность. Не для службы, не для карьеры. Для меня. Для того, что я считал своей жизнью.

Алёна. Я вспомнил её лицо сегодня на кухне. Глаза, полные боли, и этот страшный, спокойный голос: «Кто она?» Она не кричала сразу. Она спросила. Как всегда — терпеливо, с надеждой, что я скажу: «Никого нет, это ошибка».

Я не сказал. Я сказал правду. Потому, что устал врать. Потому, что ложь душила меня хуже, чем петля на шее.

Идиот. Надо было врать до конца. Надо было беречь её, даже ценой своей честности. Правда бывает разрушительнее любой лжи.

Я налил третью. Руки уже слегка дрожали — то ли от коньяка, то ли от напряжения.

— Товарищ старший лейтенант, — голос из-за двери заставил вздрогнуть. — Разрешите?

— Чего тебе, Соколов?

Дверь приоткрылась. Соколов стоял на пороге — взъеро-

шенный, в несвежей форме, с красными глазами.

— Не спится, — сказал он. — Увидел свет в окне, решил зайти. Можно?

— Заходи.

Он вошел, сел на стул у стены. Увидел флягу, кружку, понимающе кивнул.

— Тяжелый день?

— Типа того.

— У меня тоже, — вздохнул он. — Кавказец этот... дядя Коля сказал, может не выжить. Если б не капитан Соболева, вообще бы не встал. А она в госпитале теперь. Из-за нас, считай.

Я промолчал. Соколов не знал. Никто не знал. Но каждое упоминание Варвары резало по живому.

— Вы её навестить поедете? — спросил он. — Завтра?

— Надо бы.

— Возьмите меня. Я яблок куплю, цветов. Она хорошая, хоть и учёная. Своя в доску.

— Своя в доску, — повторил я. — Только чужая.

— Что?

— Ничего. Иди спать, Соколов. Завтра тяжёлый день.

Он ушёл. А я остался сидеть, допивать коньяк и смотреть в одну точку на стене. Миха подошёл, положил голову мне на колено. Тяжёлая, тёплая. Живая.

— Что делать будем, брат? — спросил я. — Как жить дальше?

Пёс молчал. Он не умел давать советы. Только любить. Терпеливо, безусловно, не требуя ничего взамен.

Я зарылся пальцами в его густую шерсть и закрыл глаза.

Утром меня разбудил стук в дверь.

— Товарищ старший лейтенант! Подъём! Полковник вызывает!

Я вскочил. Голова гудела, во рту было сухо, как в пустыне. Миха уже стоял наизготовку, готовый к новому дню.

Через пятнадцать минут, наскоро умывшись и приведя форму в порядок, я входил в кабинет Верещагина.

— Явился, — полковник сидел за столом, насупленный, как старый медведь. — Садись. Разговор есть.

Я сел. Верещагин молчал, сверлил меня взглядом. Я выдержал.

— Вчерашний инцидент на полигоне, — начал он. — Диверсанты. Перестрелка. Ранение капитана Соболевой. Твои комментарии?

— Всё по уставу, товарищ полковник. Обнаружили, вступили в бой, задержали. Есть потери со стороны противника. Наши — лёгкое ранение у Петрова, у капитана Соболевой касательное.

— Знаю, что касательное. Она в госпитале. — Он помолчал. — А знаешь, что ещё знаю?

— Никак нет.

— Знаю, что ты, Волков, с ней вчера на полигоне делал, когда остальные отдыхали? Сидели у чёрта на куличках, ку-

рили, разговаривали. А потом она к тебе в палатку заходила. На полчаса. А потом вышла — и глаза у неё были такие, будто она только что с неба упала.

У меня внутри всё похолодело.

— Товарищ полковник...

— Молчи, — оборвал Верещагин. — Я не следователь и не жена твоя, чтобы в изменах уличать. Мне плевать, с кем ты спишь, Волков. Но если это повлияет на службу, если из-за твоих бабских дел пострадают люди — я тебя лично сошлю в самое пекло, откуда не возвращаются. Понял?

— Так точно.

— У тебя жена, дочь. У капитана Соболевой — своя жизнь, своя боль. Не смей её использовать, как игрушку. Она не для того сюда приехала, чтобы местные мачо на ней тренировались.

Я сжал зубы.

— Разрешите идти?

— Иди. Но запомни: я за вами обоими слежу. Чуть что — пеняй на себя.

Я вышел из кабинета и долго стоял в коридоре, пытаюсь унять бешеный стук сердца. Верещагин знал. Или догадывался. В любом случае, это плохо. Очень плохо.

В госпиталь я поехал после обеда.

Купил в ларьке у входа мандарины — других фруктов не было, цветы не взял. Не имел права. Для жены — можно, для любовницы — нет. А она мне не любовница. Пока не

любовница. И уже никогда, наверное, не будет.

Варвара лежала в обычной палате на третьем этаже. Когда я вошёл, она читала книгу. Рука забинтована, но лицо свежее, отдохнувшее. Увидела меня — и в глазах мелькнуло что-то тёплое. Быстро погасло.

— Привет, — сказала она. — А я думала, вы не придёте.

— Должен был.

— Долг — понятие растяжимое.

Я сел на стул рядом с койкой. Положил мандарины на тумбочку. Она посмотрела на них, усмехнулась.

— Мандарины. Как в детстве, когда болеешь. Спасибо.

— Как рука?

— Нормально. Кость цела, мясо заживёт. Через неделю выпишут, через месяц — в строй. Если начальство разрешит.

— Разрешит. Ты им нужна.

— А тебе?

Прямой вопрос. В лоб. Как она умеет.

Я молчал. Смотрел на её руки — здоровую и забинтованную. На родинку над губой. На глаза, в которых сейчас не было ничего, кроме ожидания.

— Я жене рассказал, — сказал я наконец.

Она вздрогнула.

— Что рассказал?

— Про тебя. Что думаю о тебе. Что не могу контролировать.

— Зачем? — голос дрогнул.

— Потому, что устал врать. Потому, что она спросила. Поэтому что... я не знаю. Просто сказал.

Варвара откинулась на подушку, закрыла глаза. Долго молчала. Я слышал, как за окном шумит город, как где-то в коридоре гремят каталкой, как стучит моё собственное сердце.

— Ты дурак, Волков, — сказала она тихо. — Зачем ей это знать? Зачем делать ей больно?

— Чтобы не делать большее потом.

— А ты думаешь, сейчас не большее? Ты думаешь, ложь — это плохо? Ложь иногда — единственное, что спасает. Люди умирают от правды. А от лжи — живут долго и счастливо.

Я не нашёлся, что ответить.

Она открыла глаза, посмотрела на меня.

— Что теперь будет?

— Не знаю. Алёна сказала уйти. Я ушёл. Ночевал в части.

— А дальше?

— Дальше... наверное, развод. Она не простит. Я бы не простил.

— А ты бы хотел, чтобы простила?

Снова вопрос, на который нет ответа. Конечно, я хотел, чтобы Алёна простила. Чтобы всё стало как раньше — тихо, спокойно, надёжно. Чтобы Дашка снова встречала меня в прихожей, чтобы ужин ждал на столе, чтобы ночью можно было прижаться к тёплому боку жены и уснуть.

Но как вернуть то, что убил своими руками?

— Не знаю, — ответил я честно. — Я вообще ничего не знаю. Кроме одного.

— Чего?

Я встал, подошёл к окну. За стеклом — серый город, мокрые крыши, люди, бегущие по делам. Жизнь. Которая продолжается, несмотря ни на что.

— Кроме того, что я не могу перестать думать о тебе, — сказал я, не оборачиваясь. — Это как болезнь. Как наваждение. Я пытаюсь — не получается. Ты в голове, под кожей, в крови. И чем больше пытаюсь выкинуть — тем глубже застреваешь.

За спиной тишина. Потом шорох простыней, шаги. Она подошла сзади, встала почти вплотную. Я чувствовал её дыхание на своей спине.

— Повернись, — попросила она.

Я повернулся. Мы стояли лицом к лицу, между нами — сантиметр воздуха. Её глаза — близко-близко, в них отражается свет больничной лампы, и что-то ещё. То же самое, что у меня. То, от чего нет лекарства.

— Я тоже о тебе думаю, — прошептала она. — Каждую минуту. С тех пор, как ты вошёл в тот кабинет. И это убивает меня. Потому что нельзя. Не имеем права.

— А если плевать на права?

— Тогда будет больно. Всем.

— Уже больно.

Она протянула здоровую руку, коснулась моего лица. Ладонь тёплая, пальцы чуть шершавые. Провела по щеке, по скуле, остановилась на подбородке.

— Какой же ты... — прошептала она.

— Какой?

— Настоящий. Слишком настоящий для этого мира, где все врут и притворяются. Таким, как ты, трудно жить. И трудно с такими, как ты.

— Это плохо?

— Это страшно. Потому что рядом с тобой невозможно притворяться. А я привыкла. Я два года притворялась, что живу, что мне не больно, что всё хорошо. А ты пришёл — и сломал эту стену.

Она убрала руку. Отвернулась, отошла к кровати, села на край.

— Уходи, Волков. Пожалуйста. Пока я не сделала глупость. Пока мы оба не сделали.

Я подошёл. Сел рядом. Взял её руку — здоровую, сжал в своих ладонях.

— Варя...

— Не надо. Не говори ничего. Просто уйди.

— Я не могу.

— Должен.

— Я ничего никому не должен. Кроме Дашки. И то — не знаю, что я ей должен, кроме любви. А любовь у меня теперь... — я запнулся. — Она разрывается. На две части. И

я не знаю, как сделать, чтобы никого не убило.

Она подняла на меня глаза. В них блестели слёзы.

— Уже убило, Миша. Твою жену уже убило. Ты понимаешь? Она сейчас дома, одна, и умирает от боли. А мы тут сидим, держимся за руки, и делаем вид, что ничего не происходит.

Я отпустил её руку. Встал.

— Ты права, — сказал я. — Как всегда, права.

— Иди. И не возвращайся. Пока не решишь, что тебе нужно. По-настоящему. Не на словах, не в мыслях, а в жизни.

— А если решу?

— Тогда приходи. Я буду ждать. Но только если решишь окончательно. Без вариантов.

Я посмотрел на неё в последний раз. Запомнил каждую черту — выгоревшие брови, тонкую шею, забинтованную руку, слёзы, которые она не вытирала.

Вышел в коридор. Прошёл мимо поста медсестры, мимо очереди в процедурную, мимо мужика с цветами, который нёс их своей женщине. Спустился по лестнице, вышел на улицу.

Моросил дождь. Холодный, октябрьский, противный. Я стоял под козырьком подъезда, смотрел на серое небо и курил, хотя врачи запрещали, хотя лёгкие уже болели.

Миха ждал в машине. Увидел меня, завозился, застучал хвостом по сиденью.

Я сел за руль, посмотрел на пса в зеркало заднего вида.

— Ну что, брат, — сказал я. — Домой? Или куда?

Миха гавкнул. Я не понял, что он имел в виду. Может, домой. Может, куда угодно, лишь бы со мной.

Я завёл мотор и поехал.

К Алёне. К дому. К тому, что осталось от нашей семьи.

Потому что бежать нельзя. Потому, что. если я сейчас сбе-
гу — никогда себе не прощу.

Потому что надо смотреть в глаза тому, что натворил.

Даже если эти глаза полны слёз и ненависти.

Глава 7. Михаил

Я открыл дверь своим ключом в одиннадцатом часу вечера.

В квартире было темно. Только на кухне горел свет, и оттуда доносился звук работающего телевизора — тихо, почти на минимуме. Алёна всегда так делала, когда не могла уснуть. Включала фон, чтобы заглушить тишину.

Миха проскользнул внутрь первым, принялся и, виновато опустив голову, поплёлся на своё место в прихожей. Он чувствовал напряжение лучше любого барометра.

Я снял куртку, повесил на крючок. Прошёл вглубь квартиры. Заглянул в детскую — Дашка спала, раскинув руки, обняв плюшевого зайца. Дышала ровно, спокойно. Значит, не слышала вчерашнего. Или слышала, но уже забыла. Дети умеют забывать плохое. Жаль, что взрослые разучились.

На кухне Алёна сидела за столом с чашкой остывшего чая. Перед ней лежал Дашкин рисунок — тот самый, с женщиной. Развёрнутый, расправленный, будто его рассматривали часами.

Она не обернулась на мои шаги.

— Пришёл, — сказала она в пустоту. Голос ровный, без интонаций. Таким голосом говорят с чужими людьми в очереди. — А я уж думала, ты там и останешься. У неё.

— Я ночевал в части.

— В части. — Она усмехнулась. — Конечно. А днём где был? Тоже в части?

Я молчал. Не умел врать, когда она смотрела так. Не на меня — сквозь меня.

— В госпитале, — сказал я. — Варвара ранена. На учениях.

— Варвара. — Алёна повернулась наконец. Глаза сухие, красные, с тёмными кругами. Не спала всю ночь. — Красивое имя. Она красивая?

— Алён...

— Ответь. Я хочу знать. Она красивая?

— Красивая, — сказал я тихо. — Но дело не в этом.

— А в чём? В чём дело, Михаил? Объясни мне. Я восемь лет ждала тебя из командировок, рожала в одиночку, ночами не спала, когда Дашка болела. Я всё прощала — твоё молчание, твоё равнодушие, твою вечную усталость от меня. Я думала: он военный, у него работа тяжёлая, ему трудно. Я придумывала оправдания. А ты... ты просто ждал другую.

— Я не ждал. Всё случилось...

— Что случилось? — перебила она, вставая. — Что именно у вас случилось? Трахались вы уже или только собираетесь?

— Алёна!

— Что «Алёна»? Я хочу знать правду! Всю! Ты мне должен, Волков! После восьми лет брака ты мне должен хотя бы это!

Она кричала. Впервые за всё время — кричала. Не тихо, не сдержанно, не по-библиотечному. Громко, навзрыд, срывающая голос.

Из детской донёсся шорох. Я перевёл дыхание, понизил голос:

— Дашку разбудишь.

— А мне плевать! — заорала она ещё громче. — Пусть слышит! Пусть знает, какой у неё папа! Пусть не обманывается, как я!

— Алёна, прекрати!

— Не указывай мне! — она шагнула ко мне, встала вплотную. Маленькая, худенькая, в старом халате, но глаза горят таким огнём, что я невольно отступил. — Ты мне не муж! Ты — чужой человек, который восемь лет притворялся! Который делал вид, что любит! А сам только и ждал, когда появится та, ради которой он оживёт!

— Это неправда.

— Правда! — она ткнула пальцем в рисунок на столе. — Даже Дашка увидела! Ребёнок увидел то, чего я, дура, не замечала! Что тебя здесь нет! Что ты уже ушёл! Что мы для тебя — клетка, обуза, обязанность!

— Ты не обязанность.

— А кто? Кто я для тебя, Михаил? Скажи честно, хоть раз в жизни скажи правду!

Я смотрел на неё и не узнавал. Восемь лет тихая, покладистая, терпеливая Алёна превратилась в разъярённую льви-

цу. Или не превратилась — просто наконец показала то, что прятала все эти годы.

— Ты мать моего ребёнка, — сказал я. — Ты человек, которого я...

— Кого ты что? — перебила она. — Любишь? Ну скажи. Скажи, что любишь. Может, я поверю.

Я молчал. Потому что не мог сказать. Потому что врать ей в глаза — выше моих сил.

— Не можешь, — кивнула она. — И не надо. Не надо лгать. Я устала от лжи.

Она отошла к окну, обхватила себя руками. За окном моросил дождь, стёкла текли мутными потоками.

— Расскажи мне о ней, — сказала она тише. — Я хочу понять. Что в ней такого, чего нет во мне?

Я подошёл, встал у неё за спиной. Не касаясь. Боясь коснуться.

— Она другая, — начал я медленно. — Не лучше, не хуже — другая. Она понимает мою работу. Не потому, что терпит, как ты, а потому что сама часть этого мира. Она знает, что такое риск, что такое смерть. Она не боится собак, не боится грязи, не боится правды.

— А я боюсь? — Алёна обернулась. — Я, по-твоему, трусиха?

— Ты боишься жизни, Алён. Ты прячешься в библиотеке, в книгах, в уюте. Ты хочешь, чтобы мир был тихим и безопасным. А я — нет. Я не могу быть тихим и безопасным.

Я воин. Я волк. Мне нужна охота, риск, адреналин. А дома меня ждёт клетка.

— Клетка? — Голос её дрогнул. — Наш дом — клетка?

— Для меня — да. Прости. Я не хотел тебе говорить, но ты спросила. Ты спросила правду — получай.

Она отшатнулась, будто я ударил её. Слёзы брызнули из глаз, но она не закрыла лицо, смотрела на меня в упор.

— Значит, все эти годы... ты просто терпел? Жил со мной, потому что надо? Потому что Дашка? Потому что женился — и надо досидеть до конца?

— Я не терпел. Я любил тебя. Правда любил. Но это была другая любовь — спокойная, тёплая, как печка. А сейчас... сейчас я не знаю. Я сам себя не понимаю.

— Оч-чень удобно, — протянула она сквозь слёзы. — Не понимает он. А мы, значит, жди, пока он разберётся? Я, Дашка, наша семья — ждите, пока папа поймёт, чего хочет?

— Я не прошу ждать.

— А что ты просишь? Чего ты хочешь от меня?

Я молчал. Потому что не знал ответа. Чего я хочу? Чтобы она поняла? Простила? Отпустила? Приняла обратно?

— Я хочу, чтобы ты была счастлива, — сказал я наконец.

— Чтобы Дашка была счастлива. Даже если без меня.

— Без тебя, — повторила она горько. — Легко тебе говорить. А Дашка? Она будет счастлива без отца?

— Я не уйду из её жизни.

— А из моей уйдёшь? — Она смотрела в глаза, не мигая.

— Уйдёшь к ней?

— Я не знаю.

— Знаешь. Ты всё знаешь, Волков. Ты просто боишься признаться. Себе боишься.

Она подошла к плите, нажала кнопку чайника. Руки дрожали, но движения были чёткими, будто она выполняла привычный ритуал, чтобы успокоиться.

— Я думала всю ночь, — заговорила она, стоя ко мне спиной. — Думала, как жить дальше. Что делать. Вариантов, знаешь, не так много.

— Алён...

— Дай сказать. — Она обернулась, подняла руку. — Я имею право высказаться. Восемь лет молчала — теперь скажу.

Я кивнул. Села на табурет. Она оперлась о стол, глядя на меня сверху вниз.

— Первый вариант: я делаю вид, что ничего не случилось. Ты забываешь эту свою Варвару, возвращаешься в семью, и мы живём дальше. Как жили. Только ты стараешься быть внимательнее, а я стараюсь забыть, что ты в меня не влюблён. — Она помолчала. — Вариант для слабых. Я не хочу быть слабой.

Я молчал.

— Второй вариант: ты уходишь. Прямо сейчас. К ней, к кому угодно. Мы разводимся, ты видишь Дашку по выходным, платишь алименты. И я начинаю новую жизнь. Без те-

бя.

— А третий?

— Третий? — она усмехнулась. — Третий — это война. Я борюсь за тебя. За нашу семью. Я становлюсь такой, какой ты хочешь меня видеть — смелой, рискующей, дикой. Я лезу в твою жизнь, в твою работу, я доказываю, что я лучше. Вариант для дуры. Потому что нельзя заставить человека любить. Можно только заставить страдать.

Чайник закипел и щёлкнул, отключаясь. Алёна не двинулась с места.

— Я не хочу воевать, Михаил. Я устала. Устала ждать, устала терпеть, устала быть удобной. Если я для тебя клетка — лети. Я открою дверь.

Она сказала это так просто, так обыденно, будто речь шла о том, вынести мусор или купить хлеба. А у меня внутри всё оборвалось.

— Ты правда хочешь, чтобы я ушёл?

— А ты правда хочешь остаться?

Мы смотрели друг на друга. Восемь лет брака, общая дочь, общее прошлое — и такая пропасть, что не перешагнуть.

— Я не знаю, чего хочу, — сказал я. — Я запутался.

— Разбирайся. Только не здесь. — Она взяла с вешалки мою куртку, протянула мне. — Иди. Разберись в себе. А когда поймёшь — приходи. Если захочешь. Если нет — не приходи.

— Алёна, ночь на дворе.

— А мне плевать. — В глазах её мелькнуло что-то похожее на торжество. — Ты хотел правды? Ты её получил. Теперь живи с ней. Иди.

Я взял куртку. Надел. Прошёл в прихожую. Миха поднял голову, заскулил — он понял, что происходит.

— Миха остаётся, — сказала Алёна из кухни. — Он тоже часть семьи. И он не выбирал тебя сегодня. Он выбрал меня.

Я посмотрел на пса. Он смотрел на меня, и в глазах его была тоска. Но он не встал. Не пошёл за мной. Остался лежать на своей подстилке.

— Мих, — позвал я тихо.

Одёрнул уши, заскулил громче. Но не двинулся.

— Он чувствует, — сказала Алёна, подходя. — Он знает, кто прав.

Я открыл дверь. Вышел на лестничную клетку. Дверь за моей спиной закрылась с тихим щелчком — Алёна не хлопнула, просто притворила.

Я стоял в подъезде и слушал, как за дверью плачет Миха. Как воеет, скребёт лапами, пытается открыть. И как Алёна говорит ему тихо: «Не надо, мальчик. Пусть идёт. Если захочет — вернётся».

Я спустился на один пролёт. Сел на холодную бетонную ступеньку. Достал сигарету, закурил.

Сверху донёсся звук открывающейся двери.

— Волков, — голос Алёны. Я поднял голову. Она стоя-

ла на площадке, в свете лампочки, худая, бледная, с красными глазами. — Там это... дождь на улице. Сильный. Возьми зонт.

Она бросила зонт — он упал, пролетел мимо меня, загрел по ступенькам.

— Алён...

— Молчи. — Она подняла руку. — Иди уже. Не мучай нас.

Дверь закрылась.

Я поднял зонт. Вышел на улицу. Дождь хлестал так, что зонт не спасал. Через минуту я промок до нитки, но не чувствовал холода. Стоял под фонарём, смотрел на наши окна. На четвёртом этаже горел свет на кухне. Алёна стояла у окна и смотрела вниз. Я видел её силуэт, видел, как она поднесла руку к лицу — вытирала слёзы.

Я хотел вернуться. Сделал шаг к подъезду — и замер.

Что я скажу? Что изменится? Я всё тот же Волков, который не знает, чего хочет. Который разрывается между долгом и страстью, между прошлым и будущим, между женщиной, которая ждала восемь лет, и женщиной, которая заставила его сердце биться заново.

Я развернулся и пошёл к машине.

Сел, завёл мотор. Дворники лихорадочно забегали по стеклу, разгоняя воду. Я сидел и смотрел, как они мечутся, как бьются об рамку, как не могут справиться с потоком.

Потом достал телефон. Нашёл номер Варвары. Долго

смотрел на экран. Нажал вызов.

— Да, — ответила она после четвёртого гудка. Голос сонный, но настороженный.

— Это я, — сказал я.

— Знаю. Что случилось?

— Ничего. Всё. Я не знаю. Я ушёл из дома.

Тишина. Потом шорох — она села на кровати.

— Совсем?

— Не знаю. Алёна выгнала. Сказала, иди разбирайся.

— И ты разбираешься?

— Я не знаю, что делать, Варя. Я никогда не знал. Я просто жил, как получалось. А теперь всё сломалось.

— Ты где?

— В машине. У дома.

— Волков, ты идиот. Ты это знаешь? Ты же замёрз, наверное? Под дождём стоишь?

— Стою.

— Я завтра порошусь на выписку.

Я посмотрел на окна. Свет на кухне всё ещё горел. Алёна стояла там же.

Я нажал на газ и выехал со двора. Сегодня я опять буду ночевать в части. А завтра? Что ждет меня завтра?

На светофоре я остановился и вдруг понял: Миха остался там. Мой пёс, моя тень, моя совесть — остался с Алёной.

И это, наверное, правильное всего.

Глава 8. Миха

Я не понимаю людей.

Они пахнут странно, говорят слишком много и постоянно делают то, чего не хотят делать. Хозяин — хороший, сильный, вожак. Я иду за ним в огонь и в воду, я отдам за него жизнь, я уже отдавал. Но сейчас он пахнет неправильно.

Страхом. Нет, не страхом — он ничего не боится. Растерянностью. Как щенок, который потерял мать и не знает, куда бежать.

Когда он ушёл, я хотел за ним. Рванул к двери, заскрёб лапами, завыл — как в детстве, когда его подолгу не было. Но женщина, Алёна, подошла и села рядом. Положила руку мне на голову.

— Не надо, мальчик. Пусть идёт.

От неё пахло горем. Так пахнет, когда люди плачут. Я знаю этот запах. Когда хозяйка плакала в первый раз? Давно. Я ещё маленький был. Хозяин уезжал надолго, и она сидела на полу, вот здесь, и пахла точно так же.

Я лизнул её руку. Шершаво, солёно. Она улыбнулась сквозь слёзы.

— Хороший пёс, — сказала она. — Самый хороший.

Я лёг у её ног. Не потому, что не хотел к хозяину. Хотел. Очень. Всё во мне рвалось за ним, по следу, догнать, вернуть. Но она осталась одна. А в стае нельзя бросать слабых.

Хозяин так учил. Защищать стаю. Всех, кто в стае.

Теперь я не знаю, кто в моей стае.

Раньше было просто: хозяин, хозяйка, маленькая хозяйка. Мои. Я их люблю, я их охраняю, я за них умру. А теперь появилась другая. Та, что пахнет мятой и опасностью. Хозяин рядом с ней пахнет по-другому — как перед боем, когда адреналин и драка. Но это не бой. Это что-то другое.

Я не понимаю.

Ночью я не спал. Лежал в прихожей, слушал. Хозяйка ходила по комнатам, не могла найти место. Потом села на кухне и долго смотрела в окно. Маленькая хозяйка спала, но тоже беспокойно — ворочалась, звала во сне: «Папа, папа».

Я подошёл к её двери, поскрёбся. Зашёл, лёг рядом с кроватью. Если она проснётся — я буду здесь. Я защищу. Я всегда защищал, с тех пор как она родилась такая крошечная, пахнущая молоком и счастьем.

Хозяин тогда был счастлив. Я помню его запах — гордость, нежность, радость. Он брал её на руки, такие маленькие, и говорил: «Смотри, Миха, это наша. Защищай».

Я защищал. Я буду защищать всегда.

Даже если он ушёл.

Утром хозяйка не пошла на работу. Она сидела на кухне, пила что-то горячее и смотрела в одну точку. Потом пришла маленькая хозяйка, забралась к ней на колени.

— Мама, а где папа?

— Папа уехал, доченька. По делам.

— Он вернётся?

— Не знаю, малыш. Надеюсь.

Я слушал и не понимал. Как это — не знаю? Вожак всегда возвращается. Он уходил много раз, на день, на два, на много дней. Но всегда возвращался. Потому что я ждал. Потому что мы ждали.

Почему сейчас может быть иначе?

Днём пришла чужая тётя. Соседка, пахнет кошками и старыми вещами. Я её не люблю. Она принесла еду — суп в банке, пирожки. Говорила тонким голосом:

— Алёнушка, ты держись. Мужики они такие, все козлы. Перебесится и вернётся.

Хозяйка кивала, улыбалась, но пахло от неё всё так же — горечью и слезами.

Маленькая хозяйка играла со мной в комнате. Кидала мячик, я приносил. Она смеялась, но смех был грустный.

— Миха, а ты скучаешь по папе? — спросила она, обнимая меня за шею.

Я лизнул её в щёку. Конечно, скучаю. Он моя половина. Без него я не целый.

— А он вернётся? — она смотрела в глаза, ждала ответа. Я гавкнул. Один раз. Громко. Чтобы она поверила. Она улыбнулась.

— Ты хороший, Миха. Самый лучший пёс.

Вечером хозяйка вдруг засобиравалась. Оделась по-другому, не в халат, а в ту одежду, в которой ходят на улицу. Наду-

шилась чем-то — я чихнул. Позвонила кому-то по телефону:

— Мам, побудь с Дашей часик. Мне надо съездить.

Я насторожился. Куда она собралась? Зачем?

К маленькой хозяйке пришла. Мы остались вдвоём. Хозяйка посмотрела на меня долгим взглядом, потом взяла поводок.

— Пойдём, Миха. Прогуляемся.

Мы вышли на улицу. Я обрадовался — думал, сейчас к хозяину, в его любимые места, на полигон, где можно бегать и работать. Но хозяйка повела меня не туда. Мы сели в машину — редко, она почти не водит, боится. Поехали через весь город.

Я нюхал воздух из приоткрытого окна. Город пахнет людьми, бензином, едой. Но среди всего этого я искал один запах. Его запах.

И нашёл.

Мы приехали к большому белому зданию. Здесь пахло лекарствами и болезнями. И хозяином. Он был здесь. Совсем близко.

Хозяйка вышла, открыла мне дверь. Я выпрыгнул, потянул поводок — туда, внутрь, где он.

— Тише, мальчик, тише, — сказала она. Голос странный — твёрдый, но внутри дрожит.

Мы вошли. Длинный коридор, много дверей, запахи чужие, резкие. Я вёл, она шла за мной. Остановились у одной двери. Я сел. Здесь.

Хозяйка постояла, глядя на дверь. Потом открыла.

В комнате было светло. На кровати сидела она. Та, другая. С мятным запахом и перевязанной рукой. А рядом, на стуле, сидел хозяин.

Он вскочил, увидев нас. В глазах — удивление, страх, вина. Опять этот непонятный запах.

— Алёна? Ты как... зачем?

Хозяйка вошла в комнату. Я за ней. Другая женщина смотрела на нас — спокойно, без страха. Только грустно немного.

— Здравствуйте, — сказала хозяйка. Голос ровный, вежливый. — Вы Варвара, я понимаю.

— Да. — Другая кивнула. — А вы Алёна. Садитесь.

Хозяйка села на свободный стул. Я лёг у её ног. Хозяин стоял, не зная, куда деться.

— Я пришла посмотреть на вас, — сказала хозяйка. — Узнать, из-за кого рушится моя семья.

— Алёна, не надо, — начал хозяин.

— Молчи, — оборвала она. Так резко, что я удивился. Она никогда так не говорила. — Я не с тобой разговариваю. Другая смотрела на неё внимательно, изучающе. Как на сложную задачу.

— Я понимаю ваши чувства, — сказала она тихо. — Правда понимаю. И мне очень жаль.

— Жаль? — Хозяйка усмехнулась. — Вам жаль? А спать с чужим мужем не жаль было?

— Я не спала с ним.

— Ах, не спала! Значит, просто в любовь играете? В высокие чувства?

— Алёна... — хозяин шагнул к ней.

— Не приближайся! — она вскочила, отступила. — Ты мне противен! Оба вы мне противны!

Я зарычал. Не на неё — на него. На хозяина. Потому что он сделал ей больно. Он сделал больно всем.

Он посмотрел на меня. В глазах — удар. Я никогда на него не рычал. Никогда. А сейчас рычу.

— Миха, — сказал он тихо. — Ты чего?

Я не ответил. Только смотрел. Он чужой сейчас. Пахнет не так. Ведёт себя не так. Я его не понимаю.

— Пойдём, Миха, — хозяйка взяла поводок. — Мы уходим.

— Алёна, стой... — он хотел задержать, но я шагнул вперёд, зарычал громче. Не тронь.

Он отшатнулся.

Мы вышли. Я вёл её обратно по коридору. Она плакала — я слышал по запаху. Но шла ровно, не шаталась.

В машине она долго сидела, сжимая руль. Потом повернулась ко мне.

— Ты молодец, Миха, — сказала она. — Хороший пёс. Ты один остался верным.

Я лизнул её руку. Она пахла горечью и решимостью. Как перед боем.

Дома нас ждала маленькая хозяйка. Бросилась обнимать сначала маму, потом меня.

— Вы где были? Я скучала!

— Ездили по делам, доченька. — Хозяйка улыбнулась, погладила её по голове. — Всё хорошо.

— А папа приедет сегодня?

— Не знаю, малыш. Давайте ужинать. Спасибо, мама, что посидела с Дашенькой.

Они ушли на кухню. А я лёг в прихожей, на своё место. Смотрел на дверь.

Ждал.

Он не пришёл.

Ночью мне снился сон. Будто мы на охоте, в большом лесу. Хозяин идёт впереди, я рядом. Вдруг из кустов выскакивает волк — большой, серый, с жёлтыми глазами. Хозяин скидывает руку, чтобы дать команду, но волк смотрит на него, и хозяин замирает. А потом волк превращается в человека. В самого хозяина.

Два хозяина стоят друг напротив друга. Один — мой, тот, которого я люблю. Другой — чужой, с такими же глазами, но пахнет по-другому. И я не знаю, на кого идти. Кого защищать.

Я проснулся в холодном поту. Вскочил, отряхнулся. Подошёл к двери спальни, где спала хозяйка с маленькой хозяйкой. Прислушался. Тихо.

Подошёл к входной двери. Понюхал. Его запах почти вы-

ветрился. Только слабый след, который тает с каждым часом.

Я лёг прямо у двери. Носом к щели, чтобы ловить воздух с лестницы. Чтобы почуять первым, если он вернётся.

Потому что я всё равно жду. Потому что он мой вожак. Потому что собаки не умеют не ждать.

Даже когда пахнет неправильно. Даже когда рычат на него. Даже когда он делает больно тем, кого я должен защищать.

Я буду ждать. Всегда.

А утром пришло солнце. Я смотрел, как лучи ползут по полу, как просыпается квартира, как маленькая хозяйка бежит на кухню, как хозяйка варит кашу и делает бутерброды. Жизнь продолжалась.

Но без него она была неполной.

Я вздохнул и положил голову на лапы. Ждать — это всё, что мне оставалось.

Глава 9. Варвара

Я не плакала два года.

С тех пор, как мне сообщили о смерти Андрея, я дала себе слово: больше никогда. Слезы — это роскошь, которую не могут позволить себе вдовы. Слезы разъедают остатки сил, заставляют раскисать, терять контроль. А я не имела права раскисать. Я должна была жить. За двоих.

Сегодня я плакала впервые.

После того как Алёна ушла, уводя за собой этого удивительного пса, который рычал на собственного хозяина, я сидела на койке и смотрела в одну точку. Михаил стоял у окна, спиной ко мне, и молчал. Долго. Так долго, что я начала считать удары своего сердца.

— Ты должен идти за ними, — сказала я наконец.

Он обернулся. Глаза красные, но сухие.

— Куда? Зачем?

— Затем, что твоя жена только что видела нас вдвоём. Затем, что твой пёс на тебя рычал. Затем, что ты отец. Иди.

— Варя...

— Не надо, — я подняла здоровую руку. — Не объясняй. Я всё понимаю. Я с самого начала понимала, чем это кончится. Просто надеялась, что ошибаюсь.

Он подошёл, сел на край кровати. Близко. Так близко, что я чувствовала его запах — знакомый уже, родной, опасный.

— Я не знаю, что делать, — сказал он. — Честно. У меня в голове каша. Я не могу думать.

— А ты не думай. Чувствуй.

— Чувства — это то, что меня сюда привело.

— Вот именно. — Я посмотрела ему в глаза. — Чувства привели тебя сюда. А разум должен вернуть обратно. К семье.

— Ты правда этого хочешь?

Глупый вопрос. Конечно, не хочу. Я хочу, чтобы он остался. Чтобы обнял, прижал к себе, сказал, что всё будет хорошо. Чтобы мы уехали куда-нибудь, где нет прошлого, нет долгов, нет других женщин. Чтобы просто были вдвоём.

Но так не бывает. Не в этой жизни.

— Я хочу, чтобы ты поступил правильно, — ответила я.

— А правильно — это семья. Ты сам это знаешь.

— А если я не знаю? Если для меня правильно — здесь?

— Тогда ты эгоист, Михаил. — Я сказала это без злости, просто констатируя факт. — Тогда ты думаешь только о себе. А я не хочу быть с эгоистом. Я уже была замужем за человеком, который думал обо мне. Который погиб, прикрывая меня. Я знаю, каково это — быть для кого-то важнее себя. И с тобой... с тобой я этого не чувствую.

Он дёрнулся, будто я ударила.

— Ты несправедлива.

— Может быть. — Я отвернулась к стене. — Но это моя правда. Тырываешься между нами, и в этом разрыве нет

места настоящим чувствам. Там только вина и долг. А мне не нужно, чтобы меня любили из чувства долга.

— Я тебя не из долга...

— А из чего? — я снова повернулась. — Из страсти? Из запретности? Из того, что я — другой мир, не похожий на твой дом? Это не любовь, Миша. Это бегство. Ты бежишь от скуки, от быта, от обязательств. А я — всего лишь остановка на пути.

Он молчал. И в этом молчании было страшнее любых слов.

— Иди, — сказала я тихо. — Иди и разберись. Если суждено — вернёшься. Если нет — значит, не суждено.

Он встал. Посмотрел на меня долгим взглядом. Хотел что-то сказать, но раздумал. Вышел.

Дверь закрылась. Щёлкнул замок. И я осталась одна.

Вот тогда я и заплакала.

Сначала тихо, беззвучно, чтобы никто не услышал за стеной. Потом сильнее, в голос, уткнувшись лицом в подушку, чтобы заглушить звук. Слезы текли сами, я даже не всхлипывала — просто лежала и плакала, и тело сотрясала крупная дрожь.

Два года. Два года я держалась. Была сильной, собранной, правильной. Приезжала в части, улыбалась, помогала людям, писала отчёты, защищала диссертацию. Все думали: «Какая молодец, как держится». Никто не знал, что по ночам я лежу и смотрю в потолок, потому что глаза закрывать страшно —

там, во сне, он всё ещё жив. И каждое утро я умираю заново, просыпаясь в реальности, где его нет.

А потом появился этот. Грубый, прямой, с глазами волка и собакой у ноги. Он даже не ухаживал, не пытался понравиться — просто был. Таким, какой есть. И я попалась. Как дура, как наивная девчонка, попалась на его силу, на его честность, на его боль.

Потому что у него тоже была боль. Другая, не такая, как у меня, но настоящая. Боль человека, который не на своём месте. Который запер себя в клетке и не знает, как из неё выйти.

Я думала, что смогу помочь. Что мои знания, моя эмпатия, моё понимание — они нужны ему. Что я стану для него не просто любовницей, а тем человеком, который откроет дверь.

А оказалось — я просто топливо. То, что помогает ему бежать от реальности.

— Дура, — сказала я вслух в подушку. — Какая же ты дура, Варвара.

За окном стемнело. В палате появился дежурный свет — тусклый, жёлтый, от которого глаза устают ещё больше. Я лежала и смотрела, как тени ползут по потолку.

В дверь постучали.

— Войдите, — сказала я, быстро вытирая слёзы.

Вошла медсестра, тётя Зоя, добрая толстушка, которая работала здесь сто лет.

— Варечка, ты чего не ужинаешь? — спросила она, подходя. — Я тебе принесла, покушай.

— Не хочется, тётъ Зой. Спасибо.

Она поставила поднос на тумбочку, присела рядом. Внимательно посмотрела на меня.

— Плакала? Из-за того красавчика, что приходил? Мужик видный, сразу видно — военный.

— Из-за него, — призналась я.

— Любишь?

— Не знаю. Может быть.

— А он тебя?

— Тоже не знает.

Тётя Зоя вздохнула, покачала головой.

— Эх, девонька, жизнь — сложная штука. Вроде всё просто: встретились, полюбили, живут счастливо. А на деле — горы проблем. Я сорок лет с своим прожила, знаю. И ссорились, и мирились, и на сторону смотрели. Но главное — домой возвращались. Потому что дом — это где тебя ждут.

— А если не ждут?

— Значит, не дом. — Она погладила меня по руке. — Ты молодая, красивая, умная. Не пропадёшь. А этот... если судьба — вернётся. Если нет — не твой.

Легко сказать — «не твой». А когда внутри всё переворачивается от одного его взгляда?

Тётя Зоя ушла, оставив ужин. Я поковыряла вилкой в тарелке, выпила чай. Есть не хотелось совсем.

Достала телефон. Пусто. Ни звонков, ни сообщений. Что я ждала? Что он напишет: «Я всё решил, я выбираю тебя»? Сказок не бывает.

Я открыла галерею, нашла фото Андрея. Он смеётся, в камуфляже, с автоматом на груди, ветер треплет короткие волосы. Последнее фото, прислал за день до гибели.

— Прости меня, — прошептала я. — Прости, что я снова живая. Что хочу любить. Что не умерла вместе с тобой.

Фото молчало. Андрей смотрел с экрана и улыбался. Он всегда улыбался. Даже когда было трудно, даже когда смерть ходила за плечом. Говорил: «Не бойся, Варюха, прорвёмся».

Не прорвались.

Я убрала телефон. Закрыла глаза.

Ночь тянулась бесконечно.

Утром пришла врач, посмотрела руку, сказала, что заживает хорошо. Через пару дней выпишут. «Отдыхайте, капитан, набирайтесь сил. И поменьше нервничайте».

Легко сказать. Я рвалась домой.

После обеда — сюрприз. Заходит медсестра и говорит: «Там к тебе пришли. Двое. Говорят, сослуживцы».

Я напряглась. Михаил? Вернулся? Но кто второй?

Вошли Соколов и Петров. Молодые бойцы из взвода Михаила. Соколов — с огромным букетом хризантем, Петров — с пакетом мандаринов и яблок.

— Товарищ капитан, — выпалил Соколов с порога, краснея до корней волос. — Разрешите проведать! Мы это... от

всего взвода. Соболезнуем, то есть не соболезнуем, а... ну, выздоравливайте!

Петров молча поставил фрукты на тумбочку и вытянулся по стойке смирно.

Я рассмеялась. Впервые за последние дни — искренне, от души.

— Спасибо, ребята. Садитесь, не стойте как на плацу.

Они сели на стулья, напряжённые, как первоклашки на экзамене. Соколов всё мял букет, не зная, куда его деть.

— Цветы на тумбочку поставь, — подсказала я. — Вон в ту банку, там вода.

Он обрадованно исполнил. Повернулся, выдохнул.

— Мы это... волновались за вас. Дядя Коля сказал, рана серьёзная была. А вы нас вон как прикрыли тогда. Если б не вы, может, Петрова бы не просто царапнуло.

— Я не прикрывала, я просто там оказалась. Повезло.

— Не повезло, а мужество, — твёрдо сказал Петров. Малоразговорчивый, а тут выдал. — Вы под пули пошли. Не обязаны были.

— Обязана. Я военный психолог, моё место с бойцами.

Мы поговорили ещё немного. Ребята рассказали, что в части всё спокойно, что кавказец идёт на поправку, что Верецагин ругается, но в целом доволен. О Михаиле — ни слова. И я не спрашивала.

Перед уходом Соколов замялся у двери.

— Товарищ капитан, — сказал он тихо. — А старший лей-

тенант... он сегодня в часть не приезжал. Мы волнуемся. Может, вы знаете, где он?

— Не знаю, Соколов. — Я постаралась, чтобы голос звучал ровно. — Думаю, дома. У него семья.

— Ага, — он кивнул, но в глазах мелькнуло что-то — то ли понимание, то ли догадка. — Ну, мы пойдём. Выздоровливайте.

— Спасибо, ребята.

Они ушли. А я осталась с букетом хризантем, пахнущих осенью, и мыслью, что даже чужие люди за меня волнуются, а он — молчит.

Вечером я не выдержала. Набрала его номер.

Долгие гудки. Потом тишина — сбросил.

Я набрала снова. Сбросил.

В третий раз — уже не брал трубку.

Я отложила телефон и посмотрела в окно. Там, за стеклом, зажигались огни города. Люди спешили домой, к семьям, к ужину, к теплу. А я сидела в казённой палате и чувствовала, как внутри разрастается пустота.

— Значит, выбрал, — сказала я вслух. — Молодец. Правильно выбрал.

Но легче не стало.

Ночью мне приснился Андрей. Мы сидели на крыльце нашего дома — того, который строили вместе и так и не достроили. Он курил, шурился на закат.

— Ты чего страдаешь? — спросил он, не глядя на меня.

— Живой же мужик, нормальный. Чего тебе ещё?

— Он не ты, — ответила я.

— А я и не должен быть мной. Я умер. А ты живи. С кем хочешь — живи. Только не мучайся.

— Я не мучаюсь. Я просто...

— Просто любишь. Знаю. Ты всегда любишь сильно. Слишком сильно. Задыхаешься сама и других душишь. Ослабь хватку, Варюха. Отпусти.

— Кого?

— Себя в первую очередь. И его отпусти. Если вернётся — значит, твой. Если нет — не твой.

Он докурил, встал, пошёл в дом. Я хотела за ним — но дверь закрылась. Я била в неё кулаками, кричала, но он не открывал.

Проснулась от собственного крика.

Сердце колотилось где-то в горле, простыня взмокла от пота. Я села, обхватила колени руками, попыталась успокоиться.

— Отпусти, — повторила я шёпотом. — Отпусти.

Утром пришла тётя Зоя с завтраком и новостью:

— Тебя сегодня выписывают. Муж приехал? Встретить?

— Нет у меня мужа, тётя Зой.

— А тот, красавчик?

— Тот не муж.

Она покачала головой, но ничего не сказала.

Я собрала вещи — немного, всё необходимое. Подписала

бумаги. Получила справки и рекомендации. Выходя из больницы, оглянулась на серое здание и подумала: «Больше никогда сюда не вернусь».

На стоянке меня ждало такси, которое вызвала тётя Зоя. Я села, назвала адрес казённой квартиры. Водитель кивнул, тронулся.

Город плыл за окном. Люди, машины, магазины — обычная жизнь. А я чувствовала себя призраком, который смотрит на всё со стороны.

В кармане завибрировал телефон.

Я достала. Михаил.

Экран светился его именем, и сердце пропустило удар.

Я взяла трубку.

— Да.

— Варя, это я. — Голос уставший, хриплый, будто не спал всю ночь.

— Знаю.

— Ты где?

— Еду домой. Выписали.

— Я могу приехать?

— Зачем?

Пауза. Длинная, тягучая.

— Затем, что я всё испортил. Со всеми. И не знаю, как жить дальше. Ты одна... ты одна понимаешь.

Я закрыла глаза. Перед глазами — Андрей на крыльце: «Ослабь хватку».

— Приезжай, — сказала я. — Поговорим.

Я дала адрес. Положила трубку.

Водитель посмотрел в зеркало заднего вида, усмехнулся:

— Мужик?

— Мужик.

— Любимый?

— Сложный вопрос.

— Они все сложные, — философски заметил он. — А вы, бабы, дуры, любите их таких.

Я не ответила.

Машина въехала во двор, остановилась у подъезда. Я расплатилась, вышла. Поднялась на четвёртый этаж, открыла дверь.

Квартира встретила запахом пыли и одиночества. Я прошла на кухню, поставила чайник. Села ждать.

Он приехал через час.

Стоял на пороге — осунувшийся, небритый, с красными глазами. Без собаки. Без формы. Просто мужчина, который сломался.

— Проходи, — сказала я.

Он вошёл. Закрыв дверь. И вдруг — рухнул на колени, прямо у моих ног, обхватил руками мои бёдра, уткнулся лицом в живот.

— Прости, — глухо, в ткань халата. — Прости меня, Варя. Я не знаю, что делаю. Я не знаю, как жить. Я всё разрушил. Всё.

Я стояла, смотрела на его макушку, на широкие плечи, которые тряслись от беззвучных рыданий, и понимала: это не победа. Это не счастье. Это катастрофа.

Но оттолкнуть не могла.

Я опустилась на колени рядом, обняла его, прижала к себе. Мы сидели на холодном полу в прихожей, два сломанных человека, и молчали.

— Всё будет хорошо, — прошептала я. — Всё наладится.

Я не знала, будет ли. Я не знала, наладится ли. Но сейчас, в эту минуту, он был здесь. Со мной. И это было всё, что имело значение.

Потом будет завтра. Потом будут слёзы Алёны, вой Миху, разговоры с начальством, выборы и решения. Потом будет больно. Очень больно.

Но потом. А сейчас — только мы. Только его голова на моих коленях и тишина за окном.

— Останься, — попросил он, не поднимая головы.

— Я никуда не уйду.

— Навсегда?

— Навсегда не бывает. Но на сегодня — останусь.

Он поднял голову, посмотрел на меня. В глазах — благодарность пополам с отчаянием.

— Ты не жалеешь? — спросил он.

— О чём?

— Что встретила меня.

Я улыбнулась. Грустно, как умеют улыбаться только жен-

щины, которые слишком много потеряли.

— Не жалею. Жалеть буду, если потеряю.

— Не потеряешь. Обещаю.

— Не обещай. Ты уже обещал другой.

Он дёрнулся, будто от пощёчины. Но не отстранился.

— Я исправлю, — сказал он твёрдо. — Я всё исправлю.

— Не надо. Не исправляй. Просто будь. Со мной. Сейчас.

Я встала, протянула ему руку. Он поднялся. Мы стояли друг напротив друга, и между нами не осталось ничего — ни лжи, ни недомолвок, ни будущего. Только настоящее.

Я провела рукой по его щеке, колючей от небритой щетины.

— Ты устал. Пойдём, умоешься, поешь.

— Я не голоден.

— Поешь, — повторила я. — Силы понадобятся.

— Для чего?

— Для завтра. Для жизни. Для всего.

Он кивнул и пошёл за мной на кухню.

Я налила чай, поставила на стол бутерброды. Он ел молча, глядя в одну точку. Я сидела напротив и смотрела, как двигаются его руки, как жуёт, как иногда замирает, уходя в свои мысли.

— Что будешь делать? — спросила я.

— Не знаю. Сначала — в часть. Отпроситься, взять паузу.

Потом — к Алёне. Говорить.

— О чём?

— О разводе.

Сердце ёкнуло. Я отвела взгляд.

— Ты уверен?

— Нет. Но тянуть нельзя. Чем дольше тянем — тем больнее всем.

— А если она не захочет?

— Захочет. Она сильная. Она справится.

— Ты о дочери подумал?

Он замолчал. Долго молчал. Потом поднял на меня глаза — и я увидела в них такую боль, что захотелось закрыть лицо руками.

— Думаю каждую секунду. И если Дашка будет страдать — я себе не прощу. Никогда.

— А если страдает сейчас? Когда ты не дома, когда видит мать в слезах, когда чувствует, что что-то не так?

— Она уже страдает, — тихо сказал он. — Я видел. В её глазах. Она смотрела на меня и не понимала, почему папа уходит. Я не могу это исправить. Я могу только не делать хуже.

— Развод — не сделает хуже?

— Ложь — сделает. Притворство — сделает. Я не хочу, чтобы она росла в семье, где родители ненавидят друг друга.

— Вы не ненавидите.

— Нет. Но уже не любим. По-настоящему. А без любви семья — это тюрьма. Я не хочу, чтобы Дашка жила в тюрьме.

Я молчала. Потому что не знала, что ответить. Потому что

он был прав. Во всём прав. И от этой правоты становилось ещё страшнее.

Он допил чай, встал.

— Пойду. В часть надо.

— Вернёшься?

— Хочешь?

Я смотрела на него. На этого большого, сильного, сломанного человека, который стоял в моей кухне и ждал моего ответа.

— Хочу, — сказала я. — Но только если ты сам захочешь. Не из жалости, не из долга. Если выберешь.

— Я уже выбрал, — ответил он. — Там, в больнице, когда ты сказала «иди». Я шёл к двери и думал: если она позовёт — вернусь. Ты не позвала. Но я всё равно вернулся.

— Потому что сам захотел?

— Потому что без тебя не могу.

Он подошёл, обнял. Крепко, до хруста. Я уткнулась носом в его плечо, вдохнула запах — пота, улицы, усталости, жизни.

— Иди, — шепнула я. — Иди и делай, что должен. Я подожду.

Он поцеловал меня в макушку и вышел.

Дверь закрылась. Я осталась одна.

Подошла к окну, посмотрела во двор. Он вышел из подъезда, сел в машину. Посидел немного, глядя перед собой. Потом поднял голову, посмотрел на моё окно. Я не задернула

штору. Он увидел меня, кивнул.

Машина тронулась и скрылась за поворотом.

А я стояла у окна и думала о том, что сегодня случилось что-то важное. Что-то, что определит всю нашу дальнейшую жизнь.

Хорошо ли? Плохо ли? Я не знала.

Знала только одно: назад дороги нет. Ни у него. Ни у меня.

Оставалось только идти вперёд. Вместе или порознь — покажет время.

Я закрыла окно и пошла в комнату. Разбирать вещи, готовиться к новой жизни. К той, в которой теперь есть он.

И надеяться, что этот выбор не станет ошибкой для всех нас.

Глава 10. Михаил

Мир — говно. Я понял это окончательно и бесповоротно, когда вышел от Варвары и сел в машину.

Солнце светило в глаза, наглое, октябрьское, будто ничего не случилось. Люди спешили по своим делам, таскали сумки, толкали коляски, смеялись в телефоны. Жили. А я сидел и смотрел на них сквозь грязное стекло и думал: какие же вы все козлы. И я козел. И она козел. И Алёна. И Варвара. Все.

Цинизм — это броня. Когда слишком больно, мозг включает защиту: обесценивай всё, над всем смейся, никого не жалея. Иначе сдохнешь.

Я закурил, хотя в машине не курил никогда — Алёна просила. А теперь плевать. Пусть провоняет всё табаком, пусть горит синим пламенем.

Телефон завибрировал. Верещагин.

— Волков, ты где шляешься? — рявкнул он без приветствия. — В части бардак, Соколов сопли жуёт, кавказец сбежать пытался, а командира нет!

— Еду, товарищ полковник.

— Быстро! И чтоб через час был у меня с докладом!

Сбросил.

Я выругался сквозь зубы, завёл мотор. Хорошо, что есть работа. Работа спасает. В работе не надо думать, не надо чувствовать, надо просто выполнять приказ.

В части меня встретил Соколов. Глаза по пять копеек, форма мятая, вид как у побитой собаки.

— Товарищ старший лейтенант, там это... кавказец с привязи сорвался. Козлова чуть не порвал, еле успокоили.

— Где он сейчас?

— В вольере. Дядя Коля уколол, спит.

— А Козлов?

— В лазарете. Рука разодрана, швы накладывают.

Я прошёл в вольер. Кавказец лежал на боку, тяжело дышал, глаз закатился. Зверюга под семьдесят кило, с пастью, которая отрывает руки играючи. Идиот Козлов опять не уследил.

— Что случилось? — спросил я у дяди Коли, который колдовал над капельницей.

— А чёрт его знает. Пёс после ранения нервный стал, психика сдвинулась. Козлов полез в вольер убирать, а он на него — с рыком. Не узнал, видно.

— Или узнал, но решил, что враг.

— Тоже вариант.

Я смотрел на пса и думал: вот она, животная суть. Без рефлексии, без морали, без выбора. Опасно — убей. Свой — лизни. Просто. Честно. Людям бы так.

— Усыплять будем? — спросил я.

— Зачем? — дядя Коля удивился. — Пёс боевой, ценный. Перебесится, успокоится. Ему бабу надо, вот что. Сучку. Гулять, разрядку получать. А мы его в вольере держим,

как зэка.

— Дай объявление. Найдём сучку.

— Найдём, — кивнул дядя Коля. — Только не наша это забота, Миша. Собаки — они как люди. Им любовь нужна. А мы их — работать, работать, работать. Вот и срываются.

Я вышел из вольера. Слова застряли в голове. Собаки как люди. Им любовь нужна. А мы их — работать.

Самому бы не сорваться.

В кабинете меня ждал Верещагин. Сидел в моём кресле, ноги на стол, в зубах папироса — хотя курить в помещении запрещено, ему плевать.

— Явился, — сказал он, оглядывая меня с ног до головы. — Видок у тебя, Волков. Как с похорон.

— С похорон, товарищ полковник. Своей жизни.

— Философ, блин. — Он сплюнул в урну. — Садись. Разговор есть.

Я сел на стул для посетителей. Верещагин снял ноги со стола, навис надо мной, как старый коршун.

— Слушай сюда. Твои бабские дела меня не касаются, пока они службе не мешают. Но они мешают. Соболева в госпитале, ты шастаешь неизвестно где, взвод без управления. Если так пойдёт дальше — я вас обоих размажу.

— Я справлюсь.

— Посмотрим. — Он протянул мне папку. — Вот. Новое пополнение. Два сержанта, четверо рядовых. Твои. Занимайся.

Я открыл папку. Фотографии, анкеты, характеристики. Стандартные лица, стандартные судьбы. Кроме одного.

Сержант Егор Ковалёв, 26 лет. Два ранения, контузия. До этого служил в разведке, переведён к нам после госпиталя. На фотографии — жёсткое лицо, короткая стрижка, шрам через левую бровь. Глаза пустые. Такие глаза бывают у людей, которые видели слишком много.

— Это что за зверь? — спросил я.

— Зверь и есть, — усмехнулся Верещагин. — Ковалёв. Лучший разведчик в своём полку, пока его не подорвали. Год в госпиталях, три операции, теперь комиссия признала ограниченно годным. К нам — дослуживать. Психика, говорят, шатается. Твоя задача — пристроить его к делу. Собаку ему дашь, может, оттаёт.

— Собаки не лечат.

— Лечат. Ещё как лечат. Я на своём веку таких Ковалёвых видел — только с собаками и выживали. Без собак — в петлю или в бутылку.

Я закрыл папку. Ещё один сломанный. Ещё один, кого жизнь пережевала и выплюнула. Как меня скоро, если не остановиться.

— Когда прибывает?

— Завтра. Подготовь всё.

Верещагин встал, подошёл к окну. Смотрел на плац, где строились бойцы.

— Волков, — сказал он не оборачиваясь. — Я старый

дурак, жизнь прожил, двух жён похоронил, детей вырастил. Скажу тебе одну вещь, запомни. Женщины — они как собаки. Им верность нужна. Не слова, не подарки — верность. Если ты верен — они за тебя умрут. Если нет — разорвут и не заметят.

— Я знаю.

— Ни хрена ты не знаешь. — Он обернулся. — Если бы знал — не разрывался бы сейчас между двумя. Выбирай, Волков. Или семья, или страсть. Третьего не дано.

Вышел, хлопнув дверью.

Я остался один. Сидел, смотрел на папку с Ковалёвым и думал о том, что старый хрыч прав. Как всегда прав. И от этого ещё хуже.

Вечером я поехал домой.

Сам не знал зачем. Алёна сказала уходить — я ушёл. Но вещи нужны. Документы. Форма. Да и Миха... Миха там.

Поднялся на лифте. Постоял у двери. Прислушался. Тишина. Только телевизор гудит где-то в глубине квартиры.

Нажал звонок.

Долго не открывали. Потом щёлкнул замок, и на пороге появилась Алёна. Уставшая, бледная, с кругами под глазами. Но сухая. Не плакала.

— Чего тебе? — спросила она ровно.

— Вещи забрать. Документы.

— Заходи.

Я вошёл. В прихожей на подстилке лежал Миха. Увидел

меня — уши дёрнулись, хвост вильнул разок. Но не встал. Смотрел и ждал.

Я присел на корточки.

— Здорово, брат. Соскучился?

Он лизнул мою руку. Тепло, шершаво. И снова лёг. Не просился гулять, не прыгал, не скулил. Просто лежал и смотрел. Как будто говорил: «Я здесь. Я жду. Но ты сам решай».

— Собирай, — сказала Алёна из комнаты. — Я помогу.

Я прошёл в спальню. Наша спальня. Где мы спали восемь лет, где родилась Дашка, где я впервые увидел её в белом платье — смешную, счастливую, мою.

Алёна стояла у шкафа, доставала мои вещи. Аккуратно складывала стопками: футболки, носки, форму.

— Спасибо, — сказал я.

— Не за что.

Она работала молча, с каменным лицом. Я смотрел на её руки — тонкие, с обручальным кольцом, которое она так и не сняла. И вдруг поймал себя на мысли: а ведь я её до сих пор люблю. Не так, как Варвару, не с этой безумной страстью, а по-другому. Тихо. Глубоко. Как любят родных людей, без которых невозможно дышать.

— Алён, — позвал я.

— Что?

— Прости меня.

Она замерла. Не обернулась.

— Простить? — переспросила тихо. — Ты знаешь, Вол-

ков, я в церковь ходила сегодня. Впервые за восемь лет. Свечку поставила. За здоровье. Твоё.

— Зачем?

— Сама не знаю. — Она обернулась. В глазах — боль, усталость, и что-то ещё. Светлое. То, что я не заслужил. — Наверное, затем, что ты отец моего ребёнка. Затем, что восемь лет — не выкинуть. Затем, что... глупо, наверное, но я всё ещё надеюсь.

— На что?

— На то, что ты очнёшься. Что вспомнишь, как мы любили друг друга. Что выберешь нас.

Я подошёл к ней. Близко. Взял за руки. Она не отняла.

— Я не знаю, что выбрать, — сказал я честно. — Я запутался. Я как та собака, которая не знает, к кому бежать.

— Беги к себе, — ответила она. — Сначала к себе. Разберись, чего ты хочешь на самом деле. А потом приходи. Если захочешь. Если нет... — она вздохнула. — Что ж, значит, не судьба.

Она высвободила руки, вернулась к шкафу.

— Собирай давай. Поздно уже.

Я собрал вещи. Две спортивные сумки — вся жизнь, поместившаяся в багажник.

В прихожей остановился. Миха подошёл, ткнулся носом в колено.

— Пойдёшь со мной? — спросил я.

Он посмотрел на Алёну. Она кивнула. Тогда он вильнул

хвостом и встал рядом со мной.

— Присматривай за ним, — сказала Алёна. — Он без тебя плохо ест.

— Присмотрю.

Мы стояли друг напротив друга. Бывшие. Почти чужие. Но между нами всё ещё было что-то, что не рвётся просто так.

— Можно я буду видеть Дашу? — спросил я.

— Можно. По выходным. Если захочешь.

— Захочу.

— Тогда договорились. — Она открыла дверь. — Иди. И будь счастлив, Волков. Правда. Я тебе желаю.

Мы вышли. Дверь закрылась.

Мы спустились вниз, сели в машину. Я завёл мотор, посмотрел на пса.

— Ну что, брат. Остались мы с тобой вдвоём. Два холостяка.

Миха гавкнул. Одобрительно или насмешливо — не поймёшь.

Я выехал со двора. В зеркало заднего вида увидел окно четвёртого этажа. Там стояла Алёна и смотрела нам вслед.

— Прощай, — сказал я. Или «прости». Сам не разобрал.

Ночлег я нашёл быстро. Снял комнату в частном секторе на окраине — отдельный вход, печка, будка во дворе для Миши. Хозяин, старый дед, глянул на пса, крикнул, но согласился.

— Овчарка — это хорошо, — сказал он. — Сторож будет. А то воры зачастили.

— Будет, — пообещал я.

Вечером сидели у печки. Я топил, Миха лежал рядом, гревшись. За окном выл ветер, где-то лаяли собаки, пахло дымом и свободой.

Телефон молчал. Ни Алёна, ни Варвара не писали. Хорошо. Пусть молчат. Пусть думают.

Я достал папку с Ковалёвым, перечитал ещё раз. Потом набрал его номер.

— Слушаю, — голос низкий, без эмоций.

— Сержант Ковалёв? Старший лейтенант Волков, командир взвода кинологов. Завтра прибываете, надо встретить.

— Я знаю.

— Вопросы есть?

— Есть. Собака у меня будет?

— Будет.

— Какая?

— Выберем. По характеру.

— Хорошо.

Пауза. Длинная, неудобная.

— Ковалёв, — сказал я. — Я тоже через это прошёл. Война, ранения, потери. Если надо поговорить — обращайся.

— Я не говорю.

— Как знаешь. Завтра в восемь у входа в штаб.

Отключился.

Интересный тип. Жёсткий, закрытый. Таких раскусить трудно, но, если получится — будут самыми верными.

— Ну что, Миха, — сказал я псу. — Завтра новый боец. Посмотрим, что за зверь.

Пёс зевнул, показывая клыки. Ему было плевать на новых бойцов. Ему было важно, что я рядом.

Я лёг на топчан, закинул руки за голову. В голове крутились мысли, одна другой паршивее. Алёна, Варвара, Верещагин, Ковалёв. Клубок, который не распутать.

— Цинизм, — сказал я вслух. — Вот что спасает. Наплевать на всех, делать свою работу, не жалеть, не любить.

Миха поднял голову, посмотрел с укором.

— А ты что предлагаешь? Любить дальше? Чтобы ещё больше?

Он вздохнул и уткнулся мордой в лапы.

Я закрыл глаза. Завтра будет новый день. Новая работа. Новые проблемы.

А сегодня — сегодня я просто устал. Устал быть человеком.

Глава 11. Михаил

Утро началось с того, что я проснулся от лая.

Миха стоял у двери, скалился, шерсть на загривке стояла дыбом. Я вскочил, нащупал под подушкой пистолет — старая привычка, от которой не избавиться даже в тылу.

— Тихо, — цыкнул я. — Кто там?

Пёс не унимался. Значит, не просто прохожий. Чужая территория, чужой запах, угроза.

Я подошёл к окну, отодвинул занавеску. Во дворе, у калитки, стоял незнакомый мужчина. Высокий, худой, в старой армейской куртке без знаков различия. Седые волосы, жёсткое лицо, глаза — как два револьверных дула.

Дед-хозяин уже открывал ему, кивал, показывал на мою дверь.

— Выходи, вояка, — крикнул он. — К тебе гость.

Я сунул пистолет обратно, натянул штаны, вышел на крыльцо. Миха — за мной, готовый рвать любого, кто делает лишнее движение.

— Товарищ старший лейтенант Волков? — спросил незнакомец. Голос низкий, прокуренный, с лёгкой картавостью.

— Я. А вы кто?

— Подполковник запаса Громов. Виктор Петрович. Начальник кинологической службы в отставке.

Он не козырнул, не протянул руку. Просто стоял и смотрел, как я прихожу в себя. Нахал, но чувствовалось — свой. Из тех, кто собак знает лучше людей.

— С какой целью? — спросил я жёстко. В военной части, откуда он меня нашёл? И зачем?

— Верещагин послал. Сказал, тебе нужен помощник. Старый пень, а умный. Знает, что без

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.